

**МЫ
ОБЯЗАТЕЛЬНО
ВСТРЕТИМСЯ**

Вера Вильсорова

18+

Вера Вильсорова

Мы обязательно встретимся

«Автор»

2022

Вильсорова В.

Мы обязательно встретимся / В. Вильсорова — «Автор», 2022

Уволившись из редакции городской газеты, Соня отправляется на пару месяцев в деревню — в дом покойных бабушки и дедушки. С первого же дня её начинают преследовать странные видения, а в гости заваливается незнакомец и задаёт нелепые вопросы о людях, которых Соня никогда не встречала. Что происходит в родном селе: кто-то изводит её зловещими шутками ради забавы или все эти события связаны и ведут туда, откуда никто не возвращается?

© Вильсорова В., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Пролог	5
Часть 1.	6
Часть 2.	20
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Вера Вильсорова

Мы обязательно встретимся

Всё, что будет, уже здесь. Имя скрыто

Пролог

Непременным пунктом в моём следующем резюме станет: «Охотничий биатлон погубил журналистскую карьеру». Кто бы мог подумать, но именно он сделал контрольный выстрел по уже остывающему интересу к работе. А ведь прошло всего два года, как меня взяли корреспондентом в небольшое городское издание.

Все два года я ждала острых заметок, где только могла, лезла на рожон, но ничего интересного не доставалось. В конце февраля того хуже: меня отправили за город на соревнования по охотничьему биатлону. Тоска! Описывать там особо было нечего. Как и все болельщики, большую часть времени я топталась с фотоаппаратом на стартовой точке, пока грузные охотники на огромных лыжах стремились по красным флажкам к разным этапам гонки.

На следующее утро статья была готова, снимки мне нравились – всё как обычно, материалы отправились на редактуру и вёрстку. Ничто не предвещало беды.

Уже через пару дней на меня во всё горло орал капитан одной из команд. Оказывается, его спортсмены заняли почётное третье место, а я по ошибке написала – четвёртое. Под разнос попали все: главный и ответственный редакторы, и даже верстальщица, которой не посчастливилось в обеденный перерыв зайти к нам на чаёк.

«Бабуё! Толку нет тройку от четвёрки отличить?! Нечего сказать?! Что с вас взять, куриные мозги! Ещё и в кабинетах каких сидят! Да всех бы вас отсюда!» – кричал униженный и оскорблённый.

Я даже не запомнила лица разъярённого мужика, в памяти остались только его красные обветренные ручищи, огромные зелёные сапоги и грязноватые лужицы от подтаявшего снега на полу.

В следующем номере на последней странице в самом уголке вышло опровержение и извинения от лица всего коллектива. И кому бы какое дело? Но трясло меня ещё долго: «Надо же, какие большие дяди, а какие обидчивые! Вот удача – ружьё в редакцию не взял!»

Ошибка есть ошибка, но с другой стороны, она не стоила приступа гнева и оскорблений, которые надолго застряли в памяти. Страх перед волосатыми кулачищами скандалиста остановил меня от скромной ремарки, что неверные данные по результатам мне прислал как раз таки мужчина, кто-то из его пузатой компании.

Спустя пару месяцев я ушла из редакции. Заколдованный треугольник одолел меня: работа – дом – редкие вечеринки с друзьями. Во мне закипало желание сломать этот рутинный уклад, пока он, как паук, не закутал наглухо с ног до головы и атрофировал бы мечты о большем.

Подписывая заявление на увольнение и забирая трудовую в один из тёплых майских дней, я не тужила о потере зарплаты на неопределённое время. Жизнь с родителями позволяла мне откладывать каждый месяц почти половину. На семейном совете решено было дать мне передышку и отправить по-старинке в село Снегирёво – чудное местечко, где я проводила летние каникулы у бабушки с дедушкой. Пусть в большом доме теперь не с кем ждать встречи, там уже как два года хозяйничают только тишина и покой. Но это мне должно было пойти на пользу – разберусь в себе, отдохну немного от городской суеты, определюсь, как жить дальше, а заодно начну наводить порядок перед продажей маленького особняка.

Часть 1.

Глава 1. Приключения, тайны, чудеса онлайн

Полоска коричневая. Полоска бежевая. Полоска зелёная. Горизонт. Высокое голубое небо с пухлыми озорными облаками, которые гонят на восток. А мы движемся на запад, в маленькое Снегирёво, затерянное среди таких же густых лесов, как там вдалеке.

Автобус дребезжит так, что кажется – ещё одна кочка и он разлетится по железкам, стёклышкам и винтикам в обе стороны по обочинам. Меня на переднем сидении трясёт ещё не так сильно, как компанию ребятишек в самом конце салона. Они нарочно подпрыгивают, хохочут, пока кто-то не расшибёт себе нос. Взрослые словно не замечают опасный аттракцион и не одёргивают их. Измученные от жары и утомительного дня в городе, селяне, помятые, вспотевшие, с отсутствующим взглядом, покачиваются на сидениях. Остановись водитель, сломайся автобус, но от усталости они, наверное, не начнут возмущаться, а просто закемарят в тишине и покое. Дорогой не поспишь – надо крепко держать плотно набитые покупками сумки и пакеты.

После обеда я прибежала на вокзал в последний момент и купила билет прямо перед отправлением. Странно, что свободными остались только места напротив «пассажирского зала» – лицом ко всем и спиной к водителю. Такие обычно всегда бывают заняты болтливыми стариками, тяжёлой ручной кладью и коробками со спецназначением – «передайте, там, пожалуйста, Леночке».

На станции перед посадкой народ любопытно поглядывал на меня и огромный дорожный чемодан, который мне помог втащить в салон дочерна загорелый жилистый парнишка в одних шортах и стоптанных шлёпках. Пожилой грузный водитель автобуса тоже оставил приятное впечатление: был одет по-деловому – в светлую рубашку и брюки. Что ж, не перевелись ещё джентльмены на селе.

Я посматривала на свой дорожный саквояж с недоумением: зачем мне столько вещей? Кроме повседневной одежды я умудрилась напихать кучу летних платьев, две пары тяжелых модных кроссовок, ноутбук, планшет, блокноты и наборы ручек с карандашами (как будто собралась вести дневник или, того хуже, заделаться писателем), две огромные косметички: одна с кремами, гелями и любимым шампунем, а другая, чуть поменьше, с декоративной косметикой.

Дорогой не хотелось слушать музыку. Украдкой оглядев односельчан, некоторых я узнала. Как быстро растут чужие дети, так же быстро стареют люди, которых ты давно не видел. И речь даже не о стариках, а о моих ровесниках и ровесницах. Не видела их лет десять. Почему они выглядят так, как те, кого я считала старыми эти самые десять лет назад? Неужели и моё лицо так же сильно морщинится, особенно на солнце, когда я улыбаюсь? А эти складки над губами? Неужели у меня такой же угрюмый вид, когда я хмурюсь? Ведь мне всего двадцать четыре! Взрослый человек, но я чувствовала себя беззаботным ребёнком, которого родители на летние каникулы отправили к бабушке и дедушке.

В половине третьего автобус прикатил в пустынное село. Как только мы свернули с федеральной трассы на дорогу, которая плавно перешла в главную улицу, я радостно вглядывалась в родные пейзажи, знакомые с детства улочки и разноцветные домики.

– Девушка! – громко сказал водитель.

«Это ко мне?» – я испуганно обернулась.

– Девушка, да-да, я к вам, – кивнул водитель, смотря в большое зеркало заднего вида.

– А что такое? – наверное, сейчас он потребует плату за мой огромный чемодан.

– Вас где высадить?

– На остановке, как и всех, – пожалала я плечами.

– Нет, вы не поняли, – громко продолжал шофёр, отвлекаясь на дорогу, – если вы где-то на главной живёте, я могу там остановиться, прямо у дома, ну или на перекрёстке дальше по селу. Вдруг вам ещё до выезда на самый конец идти, а я бы и там остановку сделал.

– Ой, как хорошо! – заулыбалась я. – На главной живу, спасибо. Ровно около берёзовой роши домик.

– Будет сделано! – весело ответил он также через отражение. – А то ж вам ещё этот сундук тащить. К родственниками?

– Почти.

– Мне кажется, я кого-то из ваших знаю. Или знал. Давным-давно, – он обернулся, всмотрелся в моё лицо, а я остановила взгляд на глубоком белёсом шраме на его гладко выбритом подбородке.

– Может быть, – я снова пожалала плечами.

– Вас как зовут?

– Соня. Софья.

– Соня? – отражение выдало его удивление: водитель округлил глаза, затем резко прищурился, нахмурился, мотнул головой, словно стряхивая мысли: – Я – Сергей Иваныч. Если потом поедете в город, на остановку не ходите – я вас у дома посажу, только рукой махните.

– Угу, спасибо, – ответила я, как маленькая, и подняла голову.

«Кораблёв Сергей Иванович» – представила водителя табличка над зеркалом. Таких имён я никогда в доме не слышала. Вряд ли он может быть знаком моим родственникам. Местным транспортом мы пользовались редко.

Обернувшись на салон, я смутилась от того, как замерли пассажиры, слушая наш громкий диалог.

Через пару минут меня высадили прямо напротив старенького особняка, рядом с которым шумела рошица. Я поблагодарила Сергея Иваныча, а всё тот же бойкий загорелый юноша помог вытащить мой багаж.

С особым трепетом я открывала входные двери. Последний раз дом видел меня два года назад. Внутри его населяли те же предметы, та же расстановка, что и при бабушке с дедушкой. Родители вывезли только технику, оставив старый холодильник и газовую плиту.

Я нетерпеливо прошлась по всем комнатам, не снимая обуви. И длинный коридор, и кухня слева, и солнечная спальня бабушки с дедушкой, и многооконная гостиная, и небольшая, уютная моя детская комнатка – все они встретили меня тишиной и тоскливым запахом нежилого. Захотелось поскорее убрать зимние рамы и впустить свежий летний воздух. В какое окно ни посмотри – из каждого видна зелень: молодая липа, сирень. Напротив кухни высилась старая-престарая берёза. Мой взгляд остановился на побеленной стене – большой календарь с забавной обезьянкой в ярко-красной блестящей шляпке. 2016 год. Последний. Последнее лето.

По маленькой синей лесенке я осторожно забралась на пыльные деревянные полаты над кухней, которые дед смастерил сам. С тоской вспомнились зимние вечера, когда я перед сном поднималась вверх, где собиралось тепло и запах от протопленной берёзовыми дровами печки.

После короткой экскурсии я быстро перекусила взятым в городе чизбургером, навела порядок на кухне, а как только к вечеру спала жара, вышла осмотреться на улицу.

Дом окружила зелень: могучие лопухи, грушевидная картошка и отцветший в начале июня шиповник. Во дворе сильно покосилась летняя веранда, которая осталась от предыдущих хозяев, а за ней повело и дедушкин гараж. Огород беспрепятственно захватила сорная трава.

Со вздохом я оглядывала ухоженные участки других хозяев: аккуратные грядки, цветочные клумбы, яркий газон, самодельные деревянные беседки и качели.

Моё появление не могло не остаться не замеченным. Первым же вечером сердобольный сосед из дома через дорогу – дядя Толя – со своего участка увидел, как я голыми руками пытаюсь воевать с одолевшей зеленью. Он по-доброму поворчал за мою огородную самодеятельность и с помощью мотокосы привёл двор и огород в порядок. Только мы попрощались, ко мне во двор заглянула соседка с другой стороны – тётя Нина.

– Какие люди были, да... – вздохнула она, оглядывая дом и качая головой. – Соня, как бы ты не заскучала теперь одна.

– Заскучаешь здесь, – я засмеялась, обведя рукой фронт будущих работ.

– Ты надолго или только на лето?

– Пока не знаю, но до сентября – точно.

– И не страшно одной в большом доме?

– А чего бояться? Я же почти местная... Место тихое.

– И то правда. Ты заходи к нам, не стесняйся. По правде говоря, мы так рады, что вы дом не продали. А то кто бы мог приехать, какие люди, непонятно. Соня, Соня, как же так случилось? – тётя Нина глубоко вздохнула и посмотрела на меня с сочувствием, а я вспомнила тот страшный день.

– Ты, Соня, извини, – соседка хотела было взять меня за руку, но в последний момент передумала.

– Ничего, два года прошло всё-таки, ничего.

Мы ещё поболтали немного о сельских новостях: какие магазины открылись, везде ли принимают карточки, много ли молодёжи приезжает да остаётся, и скоро соседка оставила меня в одиночестве.

Пытаясь выгнать из головы мрачные воспоминания о том проклятом дне два года назад, я бесцельно бродила по уютному тенистому двору. Как ни пыталась я отгонять воспоминания, к горлу подступали слёзы – только под вечер меня настигло огромное разочарование, и нашлось объяснение неожиданному противоречию: от чего мне так неуютно, от чего так не на месте душа, от чего я не могу почувствовать себя, как дома, в родном и любимом месте. Что теперь? Уезжать? Смогу ли я пробыть здесь хотя бы неделю?

Перед поездкой я готовилась к встрече со старым миром детства, где есть бабуля и дедуля. Они держат дом и хозяйство, строго следят за делами огородными, но час в автобусе стал по-настоящему последним часом, который отделял меня от полного и окончательного понимания – прежнего мира больше нет. Он исчез ровно в тот миг, когда не стало бабушки и деда.

Прошлая жизнь встретила меня теми же запахами, ароматами, закатом, пейзажами, но как же они меня обманули! Ведь самого главного не осталось на свете – тех, кто заставлял этот волшебный мир жить по-полной и наслаждаться им всегда. Сейчас на *мне* кусты смородины и вишни, их урожай, вся генеральная уборка ждёт *меня* одну, разбор старого хлама на террасе и веранде – тоже для *меня*. Все старомодные аляповатые сервизы теперь никому больше не нужны, кроме меня. Бабушкины платья висят в громоздком коричневом шкафу, и ни одна живая душа не позарится на них. Дедушкина летняя куртка ждёт традиционный утренний поход за свежим хлебом из пекарни и парным молоком от знакомых. Но никто не вжикнет молнией. Рабочие кепки отслужили своё и ничью макушку не спасут от палящего солнца. Дом и всё его содержимое осиротело, пропиталось пылью и слишком быстро состарилось без рачительных хозяев.

Хорош! Пригорюнились, пожалели себя – и хватит! Пора думать о насущных делах. Ужин тоже самой придётся готовить, а не ждать приглашения от бабушки.

Я слетала в дом за картой и отправилась в ближайший магазин, где оказалось многолюдно. Вроде бы поздний вечер, а народ ещё отоваривается. Пришлось встать в очередь: четверо человек передо мной и ещё один старик с набитой матерчатой сумкой оглядывал пивные холодильники в углу.

У кассы две женщины совали продавщице пятитысячную купюру в надежде разменять. Та покачала головой, но деньги взяла:

– Всё равно конец дня.

Старик, который глазел на холодное пиво, не преминул дать совет:

– Да зачем менять? – хрипло сказал он и хохотнул: – Бери, что дают!

В очереди послышались смешки. Довольный шуткой, старик оглядел остальных. Он остановил взгляд на мне, на моей футболке с кроликом-йогистом и настроение его резко переменялось. Ещё секунду назад он растягивал губы в беззубо-местами-золотой акульей улыбке. Теперь он застыл в изумлении, который сменился испугом в прозрачно-голубых глазах. С неподдельным ужасом старик изучал моё лицо. Я обернулась. Позади – никого. Не могли же его так напугать пустые хлебные полки?

– Эй, – женщины с разменом окликнули шутника. – Чего встал? Уди, уди, давай, с дороги. Побледнел весь. Призрака увидел? Плохо тебе?

Уголок рта чуть дрогнул, старик оскалился кривыми жёлтыми зубами и, словно нехотя, отвёл от меня взгляд. К счастью, затарившиеся тётки повели его за собой на выход, а мне было не по себе. Что если это – местный сумасшедший, случаются с ним помутнения, как сегодня. Он мог бы легко привязаться, потащился бы до самого дома, как бездомная собака. Кто бы меня защитил от его нападок?

Чтобы немного собраться с мыслями и вернуться к вопросу об ужине, я склонилась над холодильником с залежами пельменей и котлет. Изучила ценники, написанные маркером от руки и наклеенные скотчем на стекло, но перед глазами стояла испуганная гримасса старика.

«Может, он меня с кем-то спутал? Уж я-то его точно не знаю!» – крутилось в голове.

Происшествие в магазине расстроило мой аппетит, и я отправилась через огород к роше, которая замыкала наш и соседний участок. На улице было светло от закатного солнца, в деревьях гаркали, гоготали и припевали птицы, но идти дальше от сада через поле к реке не хватило ни отваги, ни сил. Накатанная дорога так и манила вглубь, но я повернулась спиной к деревьям, лицом к дому и закрыла глаза.

«Хотя бы на денёк... Хоть на один вечер вернуться бы в прошлое. Пожалуйста...» – подумала я.

Пока ностальгическая опухоль не разрослась и не дала губительные метастазы, я со вздохом открыла глаза и снова посмотрела зелёную стену. Только я хотела повернуть на тропинку к дому, как заметила между деревьев человека в белом. Никаких мыслей о мистических видениях у меня не возникло, и я решила подождать и узнать, кто этот вечерний путник.

Вскоре на дороге показалась девушка. Она спешила. Она почти бежала по узкой тропинке. В лице – ни кровинки. Чёрные волосы растрепались, длинные локоны, высвободившись из высокой причёски, подпрыгивали от каждого движения. Незнакомка не удивила бы так сильно, если бы не её необычный наряд. Старомодное свадебное платье с высоким воротничком и тяжёлыми грязноватыми полами. Не успев отойти от одного приступа страха из-за оскала старика, новый ужас не давал сделать и шага.

Девушка в белом заметила меня и, кажется, сама немало испугалась. Остановилась на мгновение и хотела что-то сказать. Но вместо этого она хитро улыбнулась, подмигнула и побежала прочь к соседскому дому по тропинке между участками. А я всё смотрела ей вслед, не шелохнувшись.

«И до Снегирёва дошла традиция репетировать свадьбы? Или откуда она? Сбежавшая невеста? Так вроде тихо кругом. Неужели мне повезло в первый вечер познакомиться с мест-

ным привидением? А вроде бы не такая бледная, помада только красная-красная и будто смазанная».

Громкий гул мотора заставил обернуться на сад снова – кто-то ехал по саду на мотоцикле или мопеде. Там, где недавно пробежала девушка в белом, медленно тархтел старенький красный «Юпитер» с коляской. За рулём – мальчишка-подросток. Его пассажир удивил меня не меньше невесты. На разноцветном самодельном коврике, связанном из обрывков старой одежды, у бака горделиво восседал толстый мопс. Парень заботливо обхватил рукой упитанное тельце питомца.

«Ну, это уже слишком!» – подумала я и достала телефон из кармана. Открыла свою страницу и быстро набрала: «Приключения, тайны, чудеса онлайн. Прямая трансляция из маленького села. Невесты из берёзовой рощи. Мопсы на мотоциклах. Выжившие из ума старики в магазинах. Присоединяйтесь!»

Глава 2. Мой дом – не моя крепость

Первая неделя прошла быстро и спокойно. Засыпала я крепко, без особых мучений. Утомляла работа по дому и огороду. По инструкции вечерами я всё же выпивала таблетку успокоительного, но усталость смыкала глаза надёжнее пилюль.

Я храбрилась, но дом всегда пугал меня, и самым большим страхом детства было одно только представление, как я остаюсь в нём одна. Уж слишком много страшных историй мы с двоюродным братом напридумывали про особняк. Славику хорошо – он приехал на лето и уехал, а я с этими ужасами жила. Днём все сказки представлялись глупыми придумками, но с наступлением темноты легко верилось, что каждый злобный колдун или призрак из наших рассказов мог воплотиться. Но никаких бледных невест в белом, никаких женихов в кровавом, ни мопсов на тракторах – ничего необычного больше не встречалось.

Мальчишка на «Юпитере» частенько показывался да не один, а с четырёхлапым пассажиром. Каков же был восторг, когда в один день мопс обзавёлся ярко-оранжевым крошечным шлемом! Однажды мне удалось поболтать с парнем и с его позволения сделать пару фото с пёсиком. Необычные модели не были против публикации. Фотки отправились на мою страницу и в тот же день собрали кучу лайков и восторженных фанатов.

Я ни с кем особо не общалась: изредка с соседями, с продавцами, а в доме – постоянная тишина, которая с непривычки угнетала. В городе тебя не оставляет его шум.

С селе самое занятое время за окном – утро. С рассвета по селу катаются шустрые серые «буханки», которые собирают колхозников на условных остановках. Чуть позже по главной разъезжают «белые воротнички» – бухгалтеры, управляющие. Можно увидеть парочку белоснежных «Лексусов» и громоздких «Тойот», на которых местные бизнесмены спешат по делам.

В моём детстве дороги не были сильно загружены. Колхозников собирали не маленькие «уазики-вездеходы»: три раза в день между селом и фермой курсировало два больших автобуса. Один быстрый, серый, с оранжевыми полосками на боках, а второй – огромный, тёмно-синий. Он напоминал мне кита, когда медленно проезжал мимо дома.

К выходным я была рада, что следую намеченному плану уборки:

Перебрать вещи в шкафах (зачёркнуто).

Облагодородить кусты шиповника и смородины (зачёркнуто).

Выкинуть барахло из чулана.

Сделать генеральную уборку дома (зачёркнуто).

Разбирая книжные полки, в макулатуре между старыми журналами и пожелтевшими газетами я нашла одну ценную вещицу, которая ненадолго согрела память, – письмо от тёти. Дата показала – 28 августа 2001 года – как раз в то время, когда родители оставили меня жить в селе, пока сами пытались выжить в городе.

«Привет из С., здравствуйте все!..
...доехали быстро, Славик спал всю дорогу...
...уже скучает, говорит, рано уехали...
...набрали ягод в лесу...
...вы попробуйте варенье, сахару добавьте, если нужно...
...Дима пока в отпуске, пропадает в охоте за грибами...
...набрал листьев да жёлудей для Славиковых поделок, будет из чего осенний пейзаж с ёжиками лепить...
...погода меняется каждый день...
...Вот и все наши новости.

Соня, поздравляем с началом второго класса. Желаем хорошей учёбы. Если деду с бабушкой будет некогда, напиши письмо сама.

Будьте здоровы, до свиданья».

Вроде бы ничего особенного. У каждого, наверняка, есть тёплые послания от родственников, которые всё лето пробыли в гостях, а потом со слезами и крепкими объятьями распрощались на целый год. Всё, как обычно и просто, но перечитала я письмо раза три. От строчек, написанных и прочитанных в далёком прошлом, на душе потеплело.

Родители собирались навестить меня только недели через три и пока составляли список, что бы мне привезти. Оказалось, особо ничего и не нужно. Пусть техники в доме почти не осталось, самое главное, я нашла в чулане в огромной коробке старенький громоздкий телевизор «Горизонт». С не менее старой комнатной антенной он показывал без помех целых два канала. Мне хватало, чтобы уснуть на диване под бубнёж.

Я корила себя только одним – не озаботилась заранее покупкой модема. Привычка все смотреть и слушать онлайн подвела меня: на ноутбуке не было ни одной песни, ни одного фильма. Приветливая продавщица из того же ближайшего магазина посоветовала заглянуть на почту в поисках модема и сим-карты с нужным тарифом.

Сельский «Пункт связи» оправдал своё название по-полной – там я нашла всё, что нужно, чтобы выйти в интернет-свет. Знала бы я, какая встреча ожидала меня по возвращению.

Довольная покупками, я не спеша подходила к дому, когда заметила человека во дворе. Ускорила шаг и отшатнулась от удивления, узнав гостя. Неужели пришёл познакомиться?

У входной двери топтался тот самый долговязый старик из магазина. Он приставил ладони рёбрами к окнам нижней веранды и всматривался внутрь летней комнаты.

Я опасно огляделась, провела глазами по двору и раскрыла пакет, но ничего тяжёлого на случай обороны не находилось. Можно ли оглушить человека картонной коробкой с небольшим пластиковым модемом внутри? Вряд ли.

Старик, увлечённый деревенским шпионажем, ещё не заметил, что хозяйка совсем близко. Предчувствие подсказывало – приятного разговора не жди. Я вошла во двор и громко стукнула калиткой.

– Вы кого-то ищете?

Он дёрнулся, резко обернулся и растянул губы в недоброй кривой улыбке:

– Здрасьте, здрастьте!

– Вы кого ищете? Кого ждёте? – настырно продолжала я.

Старик всё зубоскалил и потирал худосочные жилистые руки в заправленных рукавах серой рубашки. Из-под застиранной майки на груди под редкими седыми кучерявыми волосами выбивалась сизо-зелёная роспись. Длинные тощие пальцы носили то же «украшение».

«Вот это совсем плохой знак», – тревожно пронеслось в мыслях.

От ворот я пока не сделала ни шагу ни назад ни вперёд, готовая в любой миг бежать прочь от неприятностей.

– Тебя и жду, – тем временем невозмутимо ответил гость.

- Меня? – я вцепилась в металлическую ручку калитки крепче крепкого.
- Тебя. Да-а-авненько жду.
- Вряд ли. Я вас совсем не знаю. Уходите, пожалуйста, вы здесь не по адресу.
- Да я уйду, ты не беспокойся, – он снова потёр сухие руки, не отрывая от меня взгляда. –

Я ж повидаться пришёл. Чай не чужие люди.

- Нет, вы точно меня с кем-то путаете...
- Правда, что ли?! Тебя же Софьей зовут?
- Ну да, – я пожала плечами. – Это все в селе знают.
- А я про тебя больше знаю. Думаешь, напакостила – и всё с рук сойдёт?
- Говорю же, мы не знакомы, я вас первый раз вижу. Уходите!
- Ты скажи, так ведь не бывает? – он смотрел цепко и придирчиво, изучал каждую черту моего лица, пытался убедиться, но никак не мог поверить, что я – это я.

– Как «не бывает»?

– Как дела у твоего татарина? – он и не думал отвечать на мои вопросы и гнул свою линию. – Что-то не видать его в селе. Хотел бы я ему крепко руку пожать. Ох, как крепко бы руку пожал...

– Ничего я не понимаю! – чуть не крикнула я и обернулась на дорогу, но улица вымерла. Ещё бы, на часах десять – все в трудах на работе.

- Какие татары? – на этот раз тихо спросила я в отчаянии. – Уходите.
- Соня? – в своём дворе напротив показался дядя Толя. – Всё в порядке?
- Не очень, – ни о каких правилах приличия речи быть не могло. Назойливого старика следовало выпроводить, как можно скорее.

– А ты тут чего забыл? – сосед сурово обратился к незваному гостю. – Иди, иди, давай. Чего девчонку пугаешь?

– И тебе здорово! – хрипло крикнул тот и медленно пошёл прочь.

Я отступила с тротуара подальше от ворот, пропуская старика. Дядя Толя провожал его всё тем же тяжёлым подозрительным взглядом. У самой дороги старик напоследок бросил мне:

- Передавай привет Гордеевым!
- Соня, – снова окликнул меня дядя Толя, – вечером приду, мы тебе запор надёжный на ворота сделаем.

Я благодарно кивнула и поспешила в дом, закрыв за собой двери на все замки и шпингалеты. Снова и снова, забыв о важной и долгожданной покупке, я перебирала в памяти наш разговор со стариком. Какие-то Гордеевы. Какой-то татарин. Господи, да никаких Гордеевых я не знаю, и никаких татар не было в моём окружении, ни близком, ни дальнем. Какой-то сумасшедший забулдыга! Нельзя позволять таким вот пропойцам портить себе отдых в собственном доме!

Если старик не отстанет, и история повторится, я позову сюда Илью. Мой городской друг и сосед всегда был лёгок на подъём и отличался очень странным режимом дня и ночи. Он мог не спать по паре суток подряд, напряжённо и увлечённо работая над рабочими проектами. Друг-полуночник – то, что мне нужно.

Илья работал удалённо, и не зависел от офиса. Почему бы не пригласить его в гости? Если, конечно, он не попал под обаяние очередной пассии. Я очень надеялась, что друг не ушёл в очередной романтический загул, когда он мне так нужен. Илья вполне бы мог сыграть роль моего молодого человека. На самом деле, между нами никогда и ничего не было. Любое сближение казалось противоестественным, как между братом и сестрой. Мы росли вместе, вместе учились в школе и только студентами разошлись по разным университетам. Он – на радиотехнику, я – на филфак. В последние годы только соцсети поддерживали тёплый огонёк нашей дружбы, а большего, казалось, и не надо. Привыкли. Но сейчас стоило серьёзно подумать о приглашении. Хотя бы просто закинуть удочку.

Вечером дядя Толя, как и обещал, пришёл с инструментами на всякий хозяйственный случай, хотя знал, у нас хранился не менее богатый арсенал. Как когда-то в детстве с дедом, я с радостью помогала мастерить дверной запор и решила выпытать, как можно больше, о сумасшедшем старике.

– Да местный бездельник! – махнул рукой дядя Толя. – Сиделец. Недавно вернулся в село, а так почти всю жизнь мотается. Когда его тут последний раз видели, не скажет никто, наверное. Лет двадцать назад, точно. Чего к тебе сегодня привязался, я так и не понял. Ещё ведь во двор завалился.

– Он такое понёс...

– Много ли алкашу надо, ты посмотри. Чем он тебя напугал?

– Нет, вот именно, он ничего страшного не сказал. Ни оскорблений, ни угроз. Про каких-то Гордеевых обмолвился...

– Гордеевых? – удивился дядя Толя.

– А вы знаете, кто это?

– До вас тут жила семья. Гордеевы.

– Вы их хорошо помните?

– Да, но недолго мы соседствовали. Мы же сами приезжие. С Коми республики в восьмидесятых перебрались. Так, восемьдесят пятый был... – дядя Толя нахмурился, вспоминая. – Да, год, наверное, не больше. Они потом в город уехали. Хорошая семья, хорошая. Все хозяйственные, работающие. Чего этот их вспомнил, не знаю...

– Что-то, может, случилось у них?

– У Гордеевых? Да нет. В селе – точно нет, у кого ни спроси, все добрым словом помянут. Ничего дурного за ними. Помню первый вечер, как мы приехали. Разгрузились вроде, отдохнули. Пошли знакомиться. Лето, они сами на огороде копошились. Бабушка ихняя на лавке у жимолости сидела. Моя Галя сразу с ней разговорилась. Виктор, новый хозяин, вон там за липами с лопатой возился. Подхожу к нему, мол, здорова, сосед, давай путём знакомиться. А тут же две девчонки, дочери его. И почему я запомнил: вроде обе девки уже взрослые были, как ты, наверное, а глаза на мокром месте. Стоят, носами хлюпают. Собака, сказали, сегодня померла. От старости. Вот они зарыли только что...

– Добрый вечер, соседи! – к нам незаметно подошла тётя Нина и оценила работу. – Хоть на танке едь – не прошибёшь!

– Да ладно тебе, – усмехнулся довольный дядя Толя.

Вечером, надёжно заперев все двери, в полном спокойствии я ужинала под новые ролики любимых блогеров. Новенький модем бесперебойно мигал синим огоньком.

Глава 3. Узурпаторы-невидимки

Через несколько дней я поняла, что мой позитивный финансовый настрой начал понемногу расстраиваться. От учебников, которые взялась штудировать, я всё больше отлынивала и никак не могла заставить себя взяться за постижение науки по написанию продающих текстов. Одна за другой выдумывала разные увёртки, укорачивая свой путь до большой лени.

Ко всему прочему, работы не было. Объявлений и сайтов – множество и по первому клику, но как среди обилия предложений найти нужное? Там, где тебя не оставят с носом после тестового задания? Где можно заработать хоть какие-то деньги? Редактура? Копирайтинг? Парадокс – работы днём с огнём и модемом не сыщешь. Не буду же я перепечатывать тексты, это уж совсем не для меня. И не идти же мне в сельские конторы на поиски.

Решено было податься в репетиторы по литературе. Но дети... Никогда не любила их компанию. Помню, рядом с редакцией находилась школа, и каждое утро я одновременно с ужасом и облегчением проходила мимо школьного двора, где за высоким металлическим забо-

ром творился настоящий зоопарк. Крики, визги, погони. Узники просвещения, как их назвал Стейнбек, только на голове не стояли.

Нет. Только не дети. Так я думала.

Но долой сомнения! Я обеспечила себя стабильным интернетом и решила поискать учеников. Была не была, пробуем. Плюсов находилось много: сиди себе дома, читай книжки с детьми и обсуждай. Опыта у меня совсем не было, но попробовать стоило. Не пойдёт, так не пойдёт.

Прошла всего неделя согласований, собеседований, и я провела первое пробное занятие, составила расписание для ученицы Даши. Ничто не предвещало беды.

В самом начале нашей встречи я приветливо улыбалась и предложила Даше начать беседу о прочитанном рассказе Тургенева. Вдруг та, ни сказав ни слова, скривилась в лице и расплакалась, закрыв глаза руками. Растерянность сковала меня полностью. Я не понимала, что говорить, как быть. Потные ручищи страха охватили от мыслей, что ученица вот-вот сильнее забьётся в истерику, на крики прибежит мать и отчитает меня. Ой, зачем я с этим всем связалась!

На шум Дашина мама и правда пришла. К великому моему удивлению, она принялась первым делом успокаивать меня. Очень извинялась и уверила, что для переживаний нет причин – Даша страдает синдромом отличницы. Не успела сегодня подготовиться, признаваться было стыдно, вот и выдала фонтан слёз. Вскоре мы все успокоились и прочитали рассказ вместе.

После урока не по плану, который я готовила час, не меньше, я почувствовала, как же сильно проголодалась. Ещё бы – с самого обеда меня захватили опустошающие волнение и переживание перед первым в жизни оплаченным занятием.

Настенные часы подсказывали, я успеваю сгонять за покупками.

Я выглянула в окно на небо. На этой неделе погода не особо радовала. Если днём солнце иногда намекало, что у нас в разгаре лето – июнь на излёте, то к вечеру с запада нас окружили тучи и очень быстро рассредоточились по всему небосклону. В доме зловеще потемнело.

Уходя в магазин, я оставила свет включённым во всех комнатах, сказав кому-то вслух:
– Скоро буду!

Только я вышла с тротуаров на дорогу, обернулась на дом. Выглядит ли он теперь обжитым и уютным? Быстрый взгляд на на жёлтые окна – и меня передёрнуло от ужаса. Сотни крохотных ледяных иголок вонзились во всё тело до самых пяток, а сердце сжало. Глотнуть не могла от страха – горло точно схватил паралич.

В окне, выходящем во двор, стояла пожилая женщина в белом платке и цветастом платье. Чёрными глазами на полном бледном лице она смотрела прямо на меня.

Дыхание – стоп. Я моргнула. Ещё и ещё. Быстро протёрла глаза. Никого в жёлтом свете гостиной больше не было. Незнакомка исчезла. В два шага я вернулась к забору. Держась за калитку, я внимательно всматривалась в окно, где только что привиделась женщина.

Я всегда думала, что если чего-то сильно испугаюсь, буду бежать прочь. На деле я решительно пошла прямо навстречу страху. Крепко сжав губы, я мысленно приказывала: «Появись ещё! Появись! Докажи, что ты есть, иначе непонятно как-то получается! Это – мой дом!»

Глубоко дыша, я во все глаза смотрела в окна и пыталась всячески объяснить видение. Недавний стресс? Побочка от успокоительных? Или просто шторы с цветочным рисунком подыграли?

Но память никак не покидало её лицо и печальные чёрные глаза. Их-то я точно видела. Она *смотрела* на меня. Так явственно, так различимо.

Из магазина я плелась долго-долго и бесстрашно всматривалась в окна, медленно переводя взгляд с одного на другое, но не заметила ни одного гостя. В доме я с громким топотом

прошла по всем комнатам, ввернула погромче телевизор и уселась в самом углу дивана с ноутбуком на удлинителе.

«Не думай! Не думай! Не вспоминай!» – приказывала я себе, пока тыкала по кнопкам.

В рекомендованном скопилось множество новых видео. Комики наснимали кучу новых шоу со всё теми же гостями, чьи имена мелькали хэштегами под каждым роликом. Они-то должны меня развлечь и отвлечь!

Через пару часов, когда я поняла, что меня не сможет развеселить и сам Чарли Чаплин, я открыла свою страницу на телефоне и настрочила глубокомысленное: «Жизнь нужно прожить так, чтобы твоё имя стало хэштегом».

Пора спать. Завтра будет новый день, завтра будем разбираться со страшилками. Главное – уснуть. До самого утра.

Глава 4. Непрошенные женихи

«Научись доводить начатое до конца». Как часто эти слова говорили мне самые разные люди: родители, друзья, учителя. Но я ничего не могла с собой поделать. То ли какая лампочка перегорала во мне, то ли кончался запас воодушевления. Но только не в этот раз, только не с домом. Это – мой выбор и я – взрослый человек, который должен довести всё до ума. У нас есть всего лишь одно лето в этом доме, нужно взять от него всё, зацементировать воспоминания. Почти два месяца – и никакая нечисть не сможет меня выжить отсюда.

Как крапивинский Журка решил доказать себе, что он не трус, и прошёл ночное кладбище от забора до забора, так и я решила во что бы то ни стало не бросать дом и начатое в нём. Ни в одном разговоре с мамой я не пожаловалась на странные видения. После каждого звонка вечером я уходила подальше к светлой тихой роще, где меня встречали и дружно окружали сочные летние запахи. В этих ароматах – я и все мои лучшие светлые дни, моё запертое прошлое. В этом духе природы – настоящая машина времени.

Удалённая работа шла своим чередом. К концу первого месяца расписание настроилось, как и мой распорядок дня. Утром я спокойно начала занятие за маленьким столом на кухне. Здесь не так мешал шум машин на главной, и окна выходили на восток, поэтому с утра царил прохладная полутьма. После обеда – учёба по написанию продающих текстов для различных сайтов.

В то утро я уже начала обсуждать внеурочного Артура Кларка с восьмиклассником Серёжей – новым учеником из далёкого Сургута – пожалуй, теперь самым любимым. Он мечтал стать литературным агентом или критиком и много читал.

С самого начала мы увлечённо разговорились о том, как коротали время попавшие в беду пассажиры в «Лунной пыли», но вдруг кто-то посмел прервать нашу беседу. В окно настырно постучали. Прямо по стеклу да так, что оно, еле держащееся в ветхой раме, зазвенело. Я испугалась за сохранность самого окна больше, чем громкого стука. Пришлось извиниться перед Сергеем и откланяться на пару минут.

У забора, жуя в уголке рта спичку, стоял высокий рыжеволосый парень.

– Выходи, хозяйка! – он махнул рукой, увидев меня.

– Мне некогда, – строго ответила я, но подошла к калитке и получше рассмотрела гостя. Его круглое лицо облепили крупные веснушки. Маленькие кабаньи глаза хитро чернели.

– Подождут твои тарелки!

– Вы мешаете мне работать. Говорю же – некогда.

– Дома у нас тут никто не работает.

– Прекрати хамить! – разозлилась я – его фамильярность начала раздражать. – И не смей больше тарабанить в окошки.

– Одворицу надо вспахать? – как ни в чём ни бывало спросил рыжий и добавил с обидой. – Я ж по делу.

– Не надо. Да и поздновато пахать, нет? Июль начался.

Он только хмыкнул, пожал плечами и пошёл прочь. Убедившись, что парень не просто отдалился от моего дома, а забрался в свой ржавый трактор и шумно укатил, я вернулась в дом.

Сергей сразу ответил на звонок, улыбался и дружелюбно сказал: «Ничего страшного!» на очередное моё извинение.

После урока я первым делом полезла на свою страницу и зачем-то настрочила: «Как ЖИШИ ни пиши, всё равно всё будет через ЖО...» И через пять минут удалила. Чего плодить негатив?

Вечером, не успела я закончить с ужином, рыжий снова заявился. На этот раз без трактора.

– Я ж по-соседски! Да за копейки, – гнусавил парень, стоя вплотную к двери со стороны улицы.

В который раз я мысленно поблагодарила соседа за надёжный запор на калитке, иначе рыжий бы уже без спроса лакомился пряниками на моей кухне.

Парень вытягивал шею, пристально рассматривая двор. Как назло, ни дяди Толи, ни тёти Нины поблизости не было видно. Спасения ждать неоткуда.

– Ты не понял? Мне не надо ничего пахать! – крикнула я назойливому рыжему, стоя у входной двери в дом, на этот раз не смея подходить ближе.

– Ну и ладно, – он внезапно отступился. – Может, по хозяйству чем помочь? Без мужика на селе никак.

– Ничего не надо! Помощники у меня самой есть, – сказала и сразу пожалела.

– Ну показывай своего помощника, – парень нагло улыбнулся.

– Ничего я тебе не должна!

Я чуть не выдала «вали отсюда», но вовремя спохватилась. Неосторожная фраза могла привести к новому недружелюбному визиту рыжего в другое время суток. Возможно, с компанией таких же хитроглазых. Не дожидаясь ответа, я хлопнула дверью.

Весь вечер рыжий мне испортил. Я не могла думать ни о чём, кроме его неприятного насмешливого взгляда. Все его потуги помочь то с одворицей, то по хозяйству выглядели как повод завалиться поближе. Накручивая себя неприятными мыслями, я всё больше боялась, а я даже не знаю, как на мобильном звонить в полицию. Да и нет тут её, этой полиции. И не было никогда. Так, приезжал участковый из районного центра. Нужны ли рыжему серьёзные проблемы? Вряд ли он решится на опасный фортель, а вот напугать может вполне. Отомстить за негостеприимность. И от этого не легче засыпать одной, не имея даже крошечной собачки где-то поблизости.

Ночь пришла тихая и привела с собой полнолуние. Тянуло выйти на светлую улицу и глядеть на звёзды. Пока не надоест, мечтать, уходя всё глубже в детские фантазии о далёких мирах. Мы со Славиком придумали фундаментальную теорию о том, как тысячи инопланетян направляют свои маленькие фонарики в сторону планеты, как только Солнце заканчивает смену в нашем полушарии. Светят на нас, на каждый уголок, придиричиво изучают. Мы всегда улыбались в пустое небо и махали руками.

Я вспоминала прошедшие летние деньки, всё ворочалась с боку на бок и никак не могла уснуть. Луна через лёгкие летние шторы освещала гостиную, которую я могла видеть из спальни почти полностью. Мой мозг отравлял спокойствие, подкидывая ужасную картинку – вот-вот раздастся внезапный стук в окно, и я услышу противный голос рыжего над моей головой. Злобный и зловещий.

Еле отогнав дурацкие видения, я начала проваливаться в сон. Дрёма укутывала всё плотнее, но в сотый раз меняя бок, я открыла глаза и посмотрела в окно напротив в гостиной. И... Лучше бы там стоял рыжий, чем то, что мне явилось.

Прислонённый к подоконнику, у окна высился огромный деревянный крест. Крест, какие вкапывают на первое время.

– Мама! – пропищала я не своим голосом и нырнула под одеяло. Резко и плотно свернулась калачом, переплетя руки и ноги.

«Откуда здесь это? Откуда? – безответно ухало в голове в ритм с гулкими и частыми ударами сердца. – Его не может быть здесь! Это просто сон, кошмар! Опять накрутила себе нервы! Чёртова побочка от успокоительных!»

Я еле заставила себя распрямить ноги и руки, медленно-медленно стягивала одеяло. Казалось, сердце сжалось до размеров мышиноного и билось так же часто. Зажмурившись, я убрала одеяло с лица и, сосчитав про себя до пяти, открыла глаза.

Крест исчез. Его не было. Не просто было.

«Да что происходит? То тётка в окне, то кресты! О'кей, в тот вечер я по-настоящему перенервничала. Ладно, спишем это на обман зрения. Старые окна, деревянные рамы, лунный свет. Да точно! Створки, перекладины под фрамугой – чем не очертания креста?! А я же до сих пор не сняла зимние рамы, вот они и дали зловещий рисунок. Просто так нехорошо легла тень. И всё. И всё!»

Снова замотавшись в одеяло, я пыталась объяснить странным образом то, что я действительно видела. Сон как рукой сняло. Решено было выползти из кровати и включить телевизор. По улице кто-то звучно пронёсся на мотоцикле, вернув мне ощущение реального мира и живых людей в селе.

Стараясь топтать как можно громче, я вышла в гостиную и включила телик. Можно было бы запустить ноутбук и найти какое-нибудь глупое шоу со множеством гостей, музыки и хохота, но мне всегда думалось, что телепередачи – они словно онлайн, здесь и сейчас с тобой, а ведущие, певцы, актёры в них не спят прямо сейчас и работают для тебя. Это представление всегда успокаивало.

Первый канал, к моему удивлению, решил развлечь одним ток-шоу, которое обычно идёт в прайм-тайм днём. Должно быть, крутили повтор для полуночников. Полчаса разборок между соседями за половину грядки на дачном участке не только взбесили меня поболее, чем рыжий утром, но и выполнили свою миссию по полной – склока утомила и начала усыплять. Нервный и неловкий смех от увиденного на экране – толстый и тонкий дрались за клочок земли – перебил прежний страх от видения.

Одеяло приняло меня под уютное крыло, и скоро слабеющими пальцами я щёлкнула по красной кнопке пульта.

Глава 5. Последний день

Деньги исчезали. Они не просто таяли, уходили или утекали. Они исчезали и без магазинов косметики, доставок и походов в кафе. Накопленное тратилось с одной стороны на всякую ерунду, а с другой – на действительно нужные вещи для дома: краску, кисти, этажерку, складной навес для сада и прочее.

Накопленные деньги исчезали. Это было пострашнее всякой нелепой чертовщины, которая являлась мне и которая давно оставила попытки меня напугать. Если в доме и правда водились духи, они сами со мной заскучали и бросили проказничать. Как и желтозубый старик. Больше он мне нигде не встречался, а я и не искала встречи с сумасшедшим.

Спустя месяц в моей одинокой жизни произошло важное открытие – оказалось, готовить для себя одной не так удобно, как мне всегда думалось. Много сделаешь – не хочешь завтра,

так оно стоит и стоит, пока не превратится в несъедобное. Готовить мало? Но что? Быстрорастворимые каши, лапша, яичницы, бутерброды? Если так, нужно будет узнать номер «скорой» заранее. Желание позвать Илью усиливалось. Так у меня хотя бы появится резон нормально питаться и готовить. Да друг и сам неплохой повар.

Заботливый Вконтакте сообщил, что Илья последний раз заходил на страницу три дня назад. Значит, точно – нашёл очередное летнее приключение. Обычно он целыми днями онлайн. Я долго не решалась написать ему, но на днях в конце концов отправила сообщение:

«Привет! Илья, я по-прежнему в селе. Приезжай, пожалуйста, в гости, если у тебя есть время и желание. Буду тебе очень рада. Твоя Соня».

Подпись «Твоя Соня» должна была напомнить ему, что друзей, кроме него, у меня нет и я очень его жду. Я закинула товарищу адрес дома, но особо расписывать путь не было необходимости – Илья бывал у нас на моё двадцатилетие. Бабушка с дедушкой приняли его за моего жениха и очень расстроились, когда окончательно поняли – мы не шифруемся, и Илья – просто друг.

В очередной раз поужинав местным фаст-фудом – рисом с овощами из пакета с заманчивым названием «гавайская смесь», я вышла на веранду с твёрдым намерением наконец-то разобрать барахло в чулане в сенях на втором этаже. Погода испортилась с самого утра, поэтому в сад нечего и нос было совать. По новой привычке я оставила свет во всех комнатах, надела лучшую обувь на свете – калоши, и, взяв мусорные пакеты, отправилась на уборку.

Уже через пять минут в чулане я пожалела, что не купила маску на лицо: черт-знает-сколько-летняя пыль высвободилась, стоило снять со стен и побросать все старые пальто в мешки. А сколько коробок впереди! Я вернулась на просторную веранду хоть немного подышать и услышала странные звуки внизу, из сеного сарая. Замерла и услышала их снова. Глухие стуки об пол. И... как будто коровадохнула: «Х-хо!» Никто из соседей не держал никакой скотины, это я точно знала. Так, по мелочи: кошка, собака, может, с десяток куриц.

Тук!

Как будто копыто ударило по дереву. Может, чья-то лошадь забрела поблизости. Но звуки шли не снаружи, а изнутри. Словно конь или корова в сараях поблизости. Как она могла зайти, если у меня всё заперто со всех сторон?

Снова стук, и животное громкодохнуло со странным звуком. Что-то похожее выдают лошади. Парнокопытные внушали страх. Мне никогда не прилетало прицельным ударом, но пугали рассказы, какое каратэ могут выдавать коровы с добрыми волоокими глазами.

Взяв из дома небольшую, но увесистую печную кочергу, я тихо спустилась по лестнице и открыла дверь в коридор к сараю. Пахло дождём, сырой землёй и прелым сеном. Если конь или корова ещё здесь, я должна услышать лёгкий шорох их движений, дыхание. Дождь мешал прислушиваться, он усиливался, мягко разбиваясь о резиновый шифер на крыше.

Я вглядывалась в темноту, боясь произнести и звук. И только сейчас поняла, что раньше не купила весьма полезный фонарик. Всё доверяла телефонному. Мой старенький «Самсунг» остался на кухонном столе.

Я пробиралась всё дальше, осторожно и едва слышно ступая по деревянному полу. Никакого животного нигде не было, иначе оно уже обозначило бы себя, почувствовало бы моё появление. Фыркнуло бы или замычало. Чуть осмелев, я крикнула:

– Эй! Кто здесь?

Несколько шагов вперёд в темноту – и жёсткая бечёвка стянула мою шею.

– Отстань! – истерично и сдавленно захрипела я, задыхаясь.

Взмахнула руками от испуга – бряк! – кочерга упала в сторону. От ужаса я подалась вперёд. Боль резанула тонкую кожу. Я судорожно вбирала носом воздух и понимала – дышать больше не могу.

Надо попытаться стянуть удавку скорее! И вниз! Нашупать тяжёлую кочергу и вдарить сзади! Сдуру я взмахнула руками вверх и за спину, как будто могла достать до нападавшего, но тут же что-то тяжёлое опустилось мне на голову.

Часть 2.

Глава 1. Фата-моргана

Скрежет автомобильных тормозов заставил меня очнуться. Я накрыла глаза одной рукой, а другой почувствовала под собой мягкую и упругую траву. Со страхом я разлепила веки и увидела огромное поле, а за ним – тёмную полоску леса. Впереди – дорога, по которой за поворотом только что промчалась машина. Рука медленно потянулась к голове и...

– Ай! – я нащупала огромную шишку на самом затылке.

На шее пальцы не обнаружили ни одной раны. Ощущалась колющая боль там, где по коже елозила шершавая верёвка. Я осторожно повернула голову влево-вправо и ойкнула – саднило так, будто бечёвка всё ещё обвивала меня.

Я поднялась на ноги и осмотрелась вокруг. В голове загудело от быстрого подъёма и противно зазвенело в левом ухе. Я снова медленно закрыла и открыла глаза. Вроде бы терпимо.

Село. Это моё село, но как я попала сюда из своих сараев? Неужели этот гад оглушил меня, вытащил из дома и привёз сюда. Но зачем? Я обхватила бока, взялась за низ живота, оттянула штаны и убедилась, что больше никаких повреждений кроме шишки, нигде не чувствовалось. Возможно, он или они что-то утащили из дома. И на меня строили планы, но что-то пошло не так. Вряд ли тут можно говорить о совести. Скорее, их остановил страх перед наказанием: лучше отделаться сроком за кражу, чем ещё тянуть лямку за более тяжкие преступления.

Вымазав руки и чуть не потеряв безразмерные калоши, я не без труда выкарабкалась из придорожной канавы на трассу и снова огляделась по сторонам. Вот под горой село, вот большой перекрёсток, от которого ведут дороги: направо – в деревни и пасеки дальше, другая, налево, – в районный центр, а вот эта – напрямик к нам. Через пару километров трасса переходит в главную улицу с пилорамой и домиками.

Вот и кладбище справа. Но стоп! Его вид сбил меня с толку. Оно мне портило всю картину местонахождения, ведь наше – гораздо больше. На нашем могилы захватили уже ближайšie поля во все стороны, а это умещалось только в большой роще. К чертям собачьим, что бы тут ни случилось, надо двигаться в село. Домой, шустрее.

Я приладила руку козырьком, чтобы скрыться от солнца, и ещё раз глянула на квадратики домов впереди. Да, всё как у нас. Вот и гул зернотока доносится слева. Тогда что такое с кладбищем?

– Три плюс пять равно восемь, а шестнадцать на три будет... сорок восемь.

Проверка элементарных ментальных способностей прошла успешно. Может, у меня какое-то зрительное расстройство. Читала я тут одну любопытную книгу – и не такое случилось, там людей за шляпы принимали¹.

Мимо меня прогрохотал грузовик с деревянными бортами и остановился на перекрёстке. Я чуть не нырнула обратно в кювет, опасаясь сейчас всех людей на свете.

Из синей кабины со стороны пассажирского сидения выпрыгнул мужчина в старомодном светлом костюме и бежевой шляпе. Из кузова он осторожно вытащил большую матерчатую сумку, чёрный дипломат, крикнул водителю «Давай!» и, махнув рукой, пошагал в сторону села. Грузовик затарахтел, медленно повернул налево и поехал по направлению в районный центр, оставляя за собой облако пыли.

«Этот вроде бы безобидный», – я поспешила за мужчиной.

– Извините! – крикнула я на ходу.

– Да-да, – он обернулся и удивлённо оглядел меня с головы до ног.

Теперь я увидела, что незнакомцу всего за сорок. В селе он мне не попался, иначе я бы запомнила его: целеустремлённый взгляд, правильные черты лица, кожа загорелая, тугая, гладко выбритый, только чуть проглядывает чернота над верхней губой, будто этим утром он сбрил многолетние усы. Подтянутый, собранный, аккуратный. Но... Неужели кто-то в его возрасте напяливает на себя такое старьё? А шляпа... Даже мой дед не надел бы этот совковый хлам.

– Что с вами, девушка? – обеспокоенно спросил мужчина приятным тембром. В его интонации снова послышалось нечто иное, потерянное в моём окружении и даже времени. Но я когда-то слышала эти нотки, вот только где?

Карие глаза смотрели то на мою раненую шею, то с прищуром скользили по серой футболке свободного покроя. Чего там особенного? Просто пузатый белый кролик-йог показывает позы да английские слова для самых непонятливых – Yoga Rabbit.

– Вам помощь нужна? – нахмурился незнакомец.

«Неужели моя шишка настолько громадная, что меня легко принять за гибрида-гуманоида?»

– Возможно, даже не знаю, как сказать... – замялась я.

– Откуда вы? – он поставил дипломат прямо на пыльную обочину, на мелкие камушки.

– Да я из села, если это Снегирёво.

– Да, это наше село Снегирёво, – растерянно ответил он, но сменил тон – поторопил уверенно и по-командирски: – Девушка, идёте скорее, вам нужно в больницу. Больше не теряем ни минуты.

– Спасибо, но я не уверена, что травма настолько серьёзная.

– Что случилось, вы можете сказать? Откуда вы?

Стоило ли ему вываливать правду, когда мне самой мало что было понятно, я пока не знала. Хотелось узнать, что его так напугало.

– А у меня что-то на лице? – нахмурилась я.

– На шее, девушка. Будто вас душить пытались. Или вы сами себя... Болит же?

– Нет, не особо. И я точно сама себя не...

– Идёмте-идёмте. Может быть, сейчас кого остановим по дороге.

– У вас есть телефон? Давайте такси вызовем? Этого... Вихрова. Нам же ещё топтать и топтать...

– Телефон? – он улыбнулся. – Чувство юмора работает, значит, и правда неплохо себя чувствуете. Меня Виктором зовут, – мужчина протянул руку. – Извините, сразу не представился. Уж очень вы меня обеспокоили.

– Соня, – я приняла рукопожатие. – Приятно познакомиться.

– Взаимно, София.

– Софья. Можно просто Соня.

– Договорились.

Только мы вошли в село, как я поняла, как давно в этой стороне не бывала. Народ отстроил домики, поставил крепкие заборы и загоны для скота. Надо же, мы начинаем развивать личное фермерское хозяйство.

– А это ещё что такое? – выпучив глаза, я показала пальцем на огромное стадо коров на дороге по главной улице.

– Значит, вы из города всё-таки, верно? – снова улыбнулся Виктор. – Это просто коровы, идут с пастбища. Значит, уже семь часов или чуть больше, если они добрались почти до центра.

– Да откуда они?

Последний раз такое большое стадо бурёнок я видела, когда мне было лет пять. Каждый вечер около семи их вели по домам с полей. Я вставала у ворот и смотрела, как они лениво идут

по дороге. Некоторые могли оставить за собой большие круглые «сюрпризы». Мы с ребятами на велосипедах использовали их как препятствия для «змейки». Вот это был челлендж!

– Откуда они? – весело повторил Виктор мой вопрос и обстоятельно ответил: – Многие корову держат. А как? Хорошо же: тут тебе и молоко, и сыр, и творог, и сметана – всё своё. – И опять эти неподдающиеся воспоминаниям интонации: не насмешливые, не поучительные, а умиротворяющие.

– Да-да, конечно, – я спокойно согласилась с Виктором, а внутри бахал набат громче и громче: «Что здесь происходит?»

– Так, если семь часов, – мой провожатый чуть выставил вперёд руку, так что рукав пиджака оттянулся и открыл наручные часы на кожаном ремешке, – должно быть, только медсестра дежурная на месте.

Мы подходили всё ближе к центру села. Дома, дома, деревянные, многие свежеекрашенные. Народу на улице почти нет. Оно и понятно – время ужина. Кто-то ещё стоит во дворе, лениво загоня корову на постой. У одного дома на лавке сидели две ветхие старушки в ярких платках, тёмных платьях и лёгких фуфайках на плечах. Они звонко и запалисто что-то обсуждали:

– Обсапутся, как есть, обсапутся! – сердито говорила одна.

– Да налопаются, чё тут ищо! – ворчливо вторила ей другая.

– Избу-то запри да подём.

Старушки-подружки ненадолго умолкли, завидев нас.

– Вечер добрый, Виктор! – поздоровались они чуть ли не ласково, но с подозрением посмотрели на меня.

– Здравствуйте, здравствуйте! – мой спутник кивнул.

– Гостей привёз?

– Да, на недельку-другую, – ответил Виктор, видимо, чтобы избежать лишних вопросов.

Скоро мы свернули на пустынную площадь и прошли мимо здания администрации, на входной двери которого я увидела серп и молот. Ещё издали я заметила полотнище красного флага на крыше. Забавно. Какой-то ностальгический флешмоб в тренде? Типа «Знаковые места прошлого и настоящего» и они участвуют.

Кабинет фельдшера находился на первом этаже в здании, которое мне всегда казалось, закрыто навеки вечные. Да и дверь вроде была грубо заколочена. Как и окна. Надо же, отретаврировали.

Виктор оставил поклажу на лавке в коридоре, уверенно постучал в дверь и, услышав громкое «Войдите!», провёл меня в пропахший хлоркой кабинет.

– Виктор, здравствуй! Что случилось? С Настасьей Михайловной плохо? – из-за стола вышла круглолицая медсестра с белым халатом внакидку на летнее платье и озабоченно смотрела на моего спасителя, пока я пряталась за его спиной.

– Да нет, вот привёл вам работу. Что-то странное случилось. Нужно оказать первую помощь.

– Добрый вечер, – я вышла к медсестре.

Она опасливо взглянула на мою шею, прищурилась и коротко сказала:

– Присаживайтесь, – и добавила с деланной улыбкой Виктору. – А ты не уходи пока, ладно? Или спешишь?

– Подожду, конечно, – со всей серьёзностью и ответственностью кивнул он. – Буду в коридоре.

Как только дверь закрылась, приветливость медсестры улетучилась.

– И чего вам не живётся? Вот чего? В психушку по-быстрому оформим, вот и закончилась жизнь эта. Зато какая там начнётся!

– Но я...

– Что «я»? Говори, чего вешаться решила? Хлопец какой, небось, бросил, а ты уже и слёзы на кулак намазала, а на шею удавку накрутила. Тьфу, из-за такого-то дерьма, девушка...

– Да послушайте! – я повысила голос. – Никто не вешался! Спросите Виктора. Он же меня не из петли достал. Меня пытались задушить, по голове со всей дури огрели, и вы тут на меня ещё нападаете!

Тётка вмиг посерьёзна и выпрямилась за столом, сложив пухлые руки в замок.

– Что ж. – Казалось, она не знала что дальше и говорить. – Что ж. Кто на вас напал?

– Мне бы знать! – я подёрнула плечами. – Я не видела никого. Я не помню ничего.

«Ох, а это хорошая придумка! Прикинуть шлангом в беспамятстве. Ничего не помню. Но нападение было. В эту версию и буду бить».

– Так, девушка, значит, тут не мне с вами беседовать.

Она сняла трубку со старого телефона и прокрутила диск трижды, закусив нижнюю губу. На том конце отвечать не спешили, и медсестра в ожидании оглядывала стены, подняла взгляд к потолку, но скоро затараторила, уставившись на меня.

– Алё! Алё, Галин Степановна-а! Ради бога извините, у нас чепе. Чепе, говорю, слышите? Девушка обратилась. Не местная, – она с прищуром поглядела на мою серую футболку с белым кроликом-йогистом. – И не из дачников вроде. Да. Да... Нападение. Душить пытались, говорит. Ещё на голове повреждение. Не знаю. Да-да, вы сейчас будете? Хорошо. Адилову тоже отзвонить? Хорошо, хорошо.... Да, я поняла. Ждём. Нет-нет, конечно, никуда!

Она быстро щёлкнула отбой на телефоне и, нервно теребя спиралевидный чёрный шнур, спешно набирала другой номер. Абонент не отзывался. Минута-другая. Без ответа. Медсестра сердито вздохнула и, прижав трубку щекой к могучему плечу, взялась за справочник. Опять набрала кого-то, трижды прокрутив диск. Значит, номер снова сельский. Я смутно вспомнила, что все местные номера – трёхзначные.

– Серёжа, здравствуй! – с выдохом облегчения приветствовала медсестра вызываемого. – Слушай, Адилов там не у тебя? Угу. Когда, говоришь? Ну, это ясно, ясно.

Только она распрощалась со своим телефонным собеседником, как за окном послышался короткий «Дзиньк!» велосипедного звонка, и в кабинет влетела худощавая высокая женщина.

– Адилов здесь? – первым делом она обратилась к медсестре.

– Нет, Галин Степановна, и не дождёмся сегодня! – развела руками та. – Звонила, его на месте нет. Серёжа Кораблёв только что сказал, он в Горький мать повёз к родне. Сегодня только к ночи вернётся.

– Плохо, – покачала головой доктор и наконец-то обратилась ко мне: – Здравствуйте! Значит, вы потерпевшая у нас?

Она быстро поправила шпильки в светлых волосах, схватила халат и, судя по её бодрому настроению и сверкающим глазам, будто бы была рада внезапному происшествию.

– Да. Здравствуйте, – еле слышно ответила я.

– Давайте мы вас осмотрим.

– Только я ничего не помню, – я продолжала лживую оборону.

– Сейчас ваше тело немного что-нибудь расскажет, я надеюсь.

Она провела нехитрые процедуры по осмотру моей шеи, головы. Что-то записала. Проверила зрение и слух. Смерила давление и отсчитала пульс. Взвесила меня на допотопном устройстве и измерила меня на не менее древнем деревянном ростомере.

– А теперь, девушка, в смотровую.

– Но... я не... Ничего не было такого.

– А кто мне сказал, что ничего не помнит? – она снова улыбалась. Так открыто и по-матерински, что я сдалась, иначе вдруг бы она позвала грузную медсестру на помощь, если буду сопротивляться. Я нехотя поплелась за ширму.

– Ясно, беспокоиться не о чем, – выдохнула Галина Степановна после интимного и очень неприятного для меня осмотра. – Одевайтесь.

Кажется, всё происходило так быстро: то садись сюда, говори то, говори сё, одевайся, раздевайся, я в стотысячный раз говорю, что ничего не помню. Наконец-то меня вроде бы отпускают. Я уже пожалела, что согласилась на ненужные процедуры. Надо было по-тихому уйти домой, как только выползла из канавы. Да и зачем я поплелась за Виктором в больницу? Только бы подошли к селу, надо было сказать: «Спасибо, дальше я сама» и всё.

– Вы одна здесь? – не отрываясь от письма, тихо спросила Галина Степановна.

– Меня привёл Виктор. Ему медсестра сказала остаться.

– А, вот чего. Правильно, правильно.

– Так, девушка, – она строго посмотрела на меня. – Вот ещё – одежду эту не стирать!

Галина Степановна вышла из кабинета и вернулась с Виктором.

– Говорит, ты привёл?

– Мы у кладбища встретились. Всё в порядке?

– В порядке, но не совсем. Я думаю, нам тут без Адилова не обойтись.

– Дело тёмное?

– Ещё какое! Софья, вы даже не помните, откуда вы: город, село? С кем-то вы ехали?

– Нет, ничего. Наверное, такое бывает, когда головой стучаешься, – от отчаяния я понесла всякие глупости. – Можно я просто уйду? Поброжу по селу, вдруг вспомню что-то. Я доберусь сама до города, а там разберусь.

– Нет, исключено, так точно не пойдёт. Завтра вы обратитесь в милицию, заявление напишете. Хотя бы до завтра надо остаться у нас. Только где...

– Думаю, у нас найдётся место, – уверил Виктор. – Дом-то большой.

– Ох, было бы здорово. Только до утра буквально, Вить. И сам жди вызова. Девушка, жду вас здесь утром. Около восьми, не позже.

– Поняла.

Мы с Виктором отправились в дальнейший путь. Зачем я все это устроила? Что я придумала? И где я? Почему моё село выглядит, как моё село, а на самом деле – нет? И куда мы идём? Что если Виктор живёт с сумасшедшей семейкой?

Может, сбежать? А куда? Домой! Он же здесь, в этом странном селе Снегирёве. Мы идём сейчас словно ко мне по главной улице.

– Скоро будем на месте, – Виктор как будто прочитал мои мысли и махнул вперёд рукой, – вот уже, видите, синий.

Я посмотрела вперёд и увидела: тёмно-зелёный особняк с белыми резными наличниками и новым крепким забором.

Виктор указал на мой дом.

¹ Соня вспоминает книгу британского невролога Оливера Сакса «Человек, который принял жену за шляпу».

Глава 2. Ожившие видения

У самой калитки нас обдал запах наваристого мясного супа, и я поняла, как же проголодалась, как же хочется хлебнуть домашней еды. Сто лет нормально не ужинала.

Ещё с дороги я заметила чёрно-белого пса во дворе. Цепной охранник даже ухом в мою сторону не повёл. Он радостно смотрел только на хозяина и во всю мочь крутил хвостом.

– Что, Тимоха, – засмеялся Виктор, закрывая калитку, – совсем обленился? – и добавил мне: – Обычно он не такой дружелюбный.

На нижней веранде, которая почти не отличалась от моей, аккуратным рядком стояли начищенные ботинки и женские сандалии. Виктор посмотрел на свои дорожные пыльные туфли и убрал их подальше к рабочим калошам.

В углу я заметила деревенский умывальник и спросила, можно ли умыться. Виктор только проверил небольшой синий бак – он оказался пуст, – и поспешил до бани за водой.

Я уже поняла – прямо сейчас моё подсознание терзает меня таким долгим сновидением, и немного успокоилась. Хорошо ещё, что оно пока вполне управляемо.

Сверху, из кухни, в открытую входную дверь я услышала торопливый разговор. Беседовали, судя по голосам, двое.

– Тимошка и тот умнее всех будет, – звонко, ворчливо и быстро говорила женщина. – Своё дело, свою стаю и место знает. А мы... что телята. Сами не знают, чего хотят. Вот всех бы обратно в колхозы сгрести, как сено по пучкам, а то разбегаются, что телята в грозу.

– Бабушка, – слышался молоденький девичий голос, – а кино, а театры?

– Спроси-ка, придет Сенька, часто ли они по театрам ходят?! Чего хорошего в городе – больницы да университеты ваши. – Женщина ещё что-то неразборчиво добавила, но следующее я расслышала хорошо: – Уже и распределением недовольны, сбегать начинают.

– Ну смотри, бабушка, какие костюмы у них красивые, причёски. ходят такие важные... Как в кино показывают.

– Важные? Спрашивала я Гурьевых, как отдыхали у бабки, кем хоть работаете, что делаете? Так ничего и не поняла, чем полезны они. Чем так заняты. Мотаются с раннего утра на электричках туда – обратно. Чем жизнь проходит? Все сдувшиеся, тухлые, как будто нет жизни там, выкачали насосом каким всю жизнь.

– Может, им всё это нравится, такая жизнь, и думают, что когда-то лучше начнётся.

– Обещал им кто?

От увлекательного спора меня отвлёк Виктор. Он вернулся с ведром воды, наполнил бак, и я наконец-то смыла пыль с лица и отёрла серые руки.

Дом встретил плотной вечерней духотой, стойким запахом свежих овощей и супа на мясном бульоне. На уши лёг слегка оглушающий звук включённого телевизора.

– Всем привет! – Обозначился Виктор ещё в коридоре.

– Папа!

Через мгновение из кухни выбежала девушка-подросток. Русые волосы острижены до плеч. Совсем хрупкая с тоненькими руками и ногами. За ней показалась другая – дородная девица с толстой тёмной косой, она выглядела гораздо старше. Увидев меня, девочки насторожились. Но скоро та, что была покрупнее и выглядела смелее, с задорным взглядом выдала:

– Папа, ты нам гостей привёз? Здравствуйте! – Это её голос я слышала в ответ на сен-тенции женщины.

Другая девушка смущённо хихикнула.

– Сейчас мы всё расскажем, – улыбнулся Виктор.

– Здравствуйте, – запоздало ответила я.

– Ну что там, кто там у вас? – из кухни вышла бабушка, вытирая руки о подол фартука.

От испуга я схватилась за горло и отшатнулась вплотную к стене. Передо мной стояла та самая женщина из видения в окне. Но вот же она – живая, румяная, улыбается.

– Вечер добрый! – Добродушно обратилась она ко мне и поторопила выгнать нас из тесного коридора: – Давайте, все живо мыть руки и за стол. Нечего на голодный желудок тута. Виктор, где тебя носило, времени-то глянь, сколько! Опять Лёнчик поймал и давай ля-ля-ля? Я – Настасья Михайловна, – кивнула бабушка в мою сторону. – Будем знакомы. Это – мои внучки: Наташа и Варвара. Вить, коллега твоя?

– Нет, не коллеги, – вздохнул Виктор и направился в кухню. – Это – Софья, мы встретились при очень странных обстоятельствах. Задержались в больнице, пришлось заглянуть.

Виктор аккуратно поставил сумку на массивный табурет на кухне и принялся выкладывать продукты: консервы, серые кульки с конфетами, огромный пакет пряников. Меня усадили за стол.

– Мы встретились на дороге у кладбища. На Софью напали.

– Ах! Как?! Напали?! – наперебой осыпали вопросами девчонки, переводя тревожные взгляды то на меня, то на отца.

– Господи Иисусе! – громко прошептала Настасья Михайловна, прикрыв рот концом белого платка. – У нас? У кладбища, говоришь... Да кто бы мог?

– И ты спас Софью? – гордо спросила брюнетка.

– Нет, Варя, говорю же, только встретил.

– А вы видели нападавших? – впервые напрямую ко мне обратилась Варя.

Пухлой ручкой она взволнованно теребила воротник лёгкого синего платья.

– Нет, хуже того – я не помню ничего. Только болячки остались. На голове да на шее. Вот.

– Вас хотели убить? – снова удивленный тон Варвары.

Младшая пока не проронила ни слова. Так и сидела, сложив тоненькие руки на коленях, удивлённо поглядывая то на меня, то на отца.

– Правда, не знаю...

Настасья Михайловна молчаливо слушала вопросы и ответы, крепко сжав губы, осматривая меня с головы до пят.

Виктор уже почти освободил сумку, повесил на высокую спинку стула и спас меня от расспросов:

– Так, Варя, Наташа, давайте не будем мучить Соню. Человеку и так досталось. Я пообещал, что она может остаться у нас. Хотя бы до завтра. Ей некуда идти. Завтра встретится с Адиловым, разберутся дальше, что и как.

– Но я вообще-то... если в тягость, – проямлила я, – могу уйти.

«Зачем только я геройствую, ведь идти мне совсем некуда!»

Сон, кажется, затянулся, и я снова не понимала, куда попала. Лимб? Параллельный мир? Загробный? Или всё-таки сон? Под наркозом? Вполне вероятно.

– Софья, отступите, – сдвинул тёмные брови Виктор, озабоченно посмотрев на меня. – Оставайтесь у нас. Куда вы пойдёте на ночь глядя? Хватит с вас приключений.

– М-да, – задумчиво протянула Настасья Михайловна. – Кто ж такие гады повадились к нам? Вы ехали куда-то? В дороге случилось?

– Совсем ничего не помню... Ни прошлого, ни родных.

Девчонки ахнули, а бабушка, качая головой в изумлении, что-то беззвучно шептала.

– Из сельских никто бы не мог, – снова заговорил Виктор, – так, похулиганить есть охотники, но чтобы человека довести, вряд ли. Село маленькое, всех знаем. Тут вам точно говорю.

– Да уж правда, – тоненькая Наташа подала голос. – В одном конце чихнут, из другого уже «будь здоров!» кричат. Не наши это.

– Нет, папа, ты молодец! – с воодушевлением сказала Варя, оглядывая меня. – Ты человека спас!

– Да, спасибо вам огромное, – сказала я как можно непринуждённо и приветливо.

– Давайте ужинать, чего тут ещё, – Настасья Михайловна тяжело поднялась с места и потянулась в шкаф за тарелками.

Я следила за её передвижениями на моей кухне. Во мне боролись два странных чувства: неожиданное умиротворение и полное непонимание, что происходит.

Бабушка достала глубокие тарелки и чайные чашки из буфета. Здорово, они в этом мире даже посуду хранят там же, где и мы – в этом древнем буфете. Должно быть, он переходил от хозяев к хозяевам. Этот выглядит новее, дерево – темнее, стёкла на дверцах не такие блёклые да и все ручки в порядке. Стол напротив окна, только наш – со стеклянной столешницей,

прямоугольный, а этот – небольшой, деревянный, круглый. И белоснежная плита «Predom», и холодильник «Свияга» – всё ровно на тех же местах, где когда-то до трагедии была современная техника в моём доме.

Я украдкой оглядывала стены в поисках всевозможных ориентиров, календарей, каких-то знаков, но ничего, ни одного намёка не было.

– Так, девчонки, а кому гостинцы? – Виктор поднял сумку, в которой оказалось кое-что припрятано.

– Мне! Мне! – хором заголосили Варя и Наташа, как маленькие.

Виктор аккуратно достал пару бумаг из нагрудного кармана пиджака, положил на соседний стол-шкаф рядом со мной и вместе с девчонками ушёл в гостиную. Я чуть вытянула шею и присмотрелась к разграфлённым бумагам. Множество столбиков, линий, этакий лист эксель-оффлайн:

Итого по расходу...

Розничный товароборот...

Кроме мелкого опта...

Сумма... Сумма...

Заполняется материально ответственным лицом...

Товары... Тара...

И наконец-то глаза нашли самое главное в шапке документа:

Фамилия и инициалы материально-ответственного лица (бригадира) Гордеев В.Н.

Товарно-денежный отчёт №17

С 23/VI по 29/VI 1980 г.

Ой.

Значит, флаг над администрацией – никакой не флешмоб. Новые дома и загоны для скота на краю села – не новые. Значит, костюм Виктора – не старомодный. Значит, этот дом – пока не мой дом. Он только будет моим.

Через сорок лет.

Глава 3. Сон или загробный мир?

– Тебе пожиже или погуще? – заботливо спросила Настасья Михайловна, держа тарелку в одной руке и половник в другой.

– Как захватите, – я всегда терялась при таких гастрономических задачках.

Передо мной поставили глубокую тарелку с ароматным рассольником. Густой, наваристый бульон, крупные жёлтые кусочки картофеля, натёртые огурцы, перловка, укропчик для обострения потрясающе летнего вкуса. Вкусотища какая, должно быть! Не терпелось погрузить ложку и отведать настоящее деревенское блюдо.

За окном поднялся ветерок, и свисающие ветки берёзы сдувались то влево, то вправо, открывая знакомый вид из окна на соседние домики и высокие липы вдалеке.

– Виктор! – громко позвала бабушка. – Наташа, Варя!

Пока домашние подтягивались, Настасья Михайловна поставила на стол до краёв наполненные тарелки с супом, чашечку сметаны, огромное эмалированное блюдо с разваренной в печи и разрезанной на крупные части курицей, хлеб, свежие огурцы и помидоры. Хозяйка озабоченно оглядела накрытый стол и хлопнула себя по полным бокам.

Как только мы стали рассаживаться, выяснилось, что небольшой круглый столик следует отодвинуть от окна, чтобы все поместились.

Варя с отцом осторожно и аккуратно занялись операцией по небольшой перестановке, а я начала было извиняться за неудобства, но бабушка строго сказала: «Ещё чего – неудобства какие выдумала!» и отправила Наташу в огород за свежим луком.

Когда все – включая лучок на тарелке с овощами – собрались, бабушка тяжело охнула, перекрестилась, и мы приступили к ужину. Ели молча, неторопливо, и только Варя, казалось, спешила куда-то.

«Это обычные люди. Просто из прошлого. Девочка Наташа и девочка Варя. Виктор и Настасья Михайловна. Ну вот ужин – всё настоящее и очень вкусное: суп, курица, овощи... Настоящий ветер за окном. Настоящая берёза. Дом. И это теперь – моё настоящее. Пусть это и загробный мир, но, судя по всему, второй раз окочуриться тут никто не даст. От голода – тем более».

– С вами всё в порядке? – Виктор отложил ложку и озабоченно смотрел на меня, упёршись руками в стол, будто готовый в любой момент встать и прийти на помощь, если я вот-вот грохнусь в обморок. Видимо, в задумчивости я сделала слишком серьёзную мину, замерев с ложкой в руке.

– Всё в порядке, спасибо, – поспешила я улыбнуться. – И всё очень вкусно!

Девчонки довольно улыбались похвале бабушки, а Настасья Михайловна, видя, как быстро я поглощаю суп, озаботилась не нужно ли добавки. Я только помотала головой – очень сытно.

– Пап, я сейчас к девчонкам, – потянулась за ярким полотенцем Варя.

– И к мальчишкам, – хихикнула Наташа.

– А как без них, – та показала кончик языка сестре.

– Опять с полным брюхом скакать будешь, – проворчала бабушка. – Как хоть охота?

– Да бабушка! – надула губы Варя. – У нас сегодня очень важная игра – с девчонками из И.! А потом картошки напечём. Я возьму несколько, пап?

– Иди, иди, Варя, и картошки, сколько надо, бери, – кивнул Виктор. Он легонько хлопнул себя по нагруженному плотным ужином животу и, отдуваясь, чуть откинулся на спинку стула.

– Играйте, пока погода хорошая. Потом, в городе сказали, дожди пойдут.

– Дожди – хорошо, – Настасья Михайловна одобрительно подняла указательный палец. – Картошку помочит.

– Только... – Варя подозрительно посмотрела на меня. – Ребята будут спрашивать, наверное... Вас же видели в селе, когда вы с папой шли...

– Говори, как есть, – я пожалала плечами и улыбнулась. – Можешь даже небылицу какую выдумать про инопланетян, посмеётесь хоть.

– Ой, нет, это у нас Наташа – мастер истории придумывать, а я, как есть, скажу. Да мы и не знаем ничего. Обещаю, сплетен не разводите!

Я благодарно кивнула Варе, она встала из-за стола, убрав тарелку на соседний стол и, сказав спасибо бабушке, поспешила на улицу.

За остатками молчаливого ужина я всё время смотрела в окно, пытаюсь увидеть между домами огромного динозавра или, на худой конец, какого-нибудь эстрадного певца в ярчайшем и эпатажном сценическом наряде. Обязательно с перьями! А лучше – пусть он будет верхом на рептилии. Вымерший гигант и современный мне артист своим появлением успокоили бы окончательно – я во сне.

Но ни между домами, ни по дороге, ни на небольшом поле перед домом не было никого, кроме селян. Они копошились на огородах, шли по своим делам вдоль дороги, катались на велосипедах.

После ужина Виктор попросил меня остаться в кухне. Когда Наташа вышла, сложив всю грязную посуду в мойку, Настасья Михайловна задёрнула тяжёлые бледно-оранжевые шторы, которые служили импровизированными дверями из коридора, и уселась к нам за стол. Нужно было решить вопрос моего пребывания в их доме. Как надолго и где именно. Думаю, они боялись оставлять меня наедине с девчонками.

– Софья, – начал Виктор, чуть кашлянув, – мы сожалеем о том, что с вами случилось.

– Это ж надо.. – попробовала вклиниться бабушка с причитаниями, но Виктор, нахмурившись, посмотрел на неё и продолжил.

– Вы можете остаться у нас, мы найдём место. Завтра идём к участковому. Наверное, приедет сам следователь из посёлка. Дело тёмное. Не ясно, сколько вы у нас пробудете.

– Виктор, я понимаю, – смущённо начала я. – Ещё раз спасибо за приют, деваться мне и правда некуда. Я лишь хочу уверить вас, что никому не желаю и не причиню зла. А за что, что вы так тепло приняли меня, готова отблагодарить любой работой. По дому, на городе, в любое время.

– Вот и мне помощница нашлась, – тепло улыбнулась Настасья Михайловна. – Ладно, Виктор, чего тут пустословить, видишь, девушка как девушка. Испугалась, растерялась. Завтра разберёмся, кому какая работа, как подоспеет. А сейчас иди, Соня, в гостиную. Скоро баня истопится, надо Наташу отправить, посмотреть.

– Да я сам сейчас, – кивнул Виктор и снова обратился ко мне. – Софья, с любыми вопросами обращайтесь ко мне, если где что по селу нужно. По хозяйству – это к матери.

Выходя из кухни, я услышала беспокойный шёпот Настасьи Михайловны:

– Господи прости, грешно так говорить, но хорошо, что Соня так попала. Глядишь, поможет нам с Юликом...

Как бы ни хотелось, я не позволила себе подслушивать и ушла в гостиную, как и велел Виктор.

После ужина без лишних слов меня определили на постой в Наташину комнату. Настасья Михайловна принесла мне стопку свежего белья и принялась сама расстилать кровать, несмотря на мои протесты.

– Нет, хватит тебе забот сегодня, – по-доброму поворчала бабушка. – Завтра к Нуратдинчы пойдёте, будете разбираться. Варя или Наташа проводят, а то Виктору с утра в самую рань на работу. По дому я сейчас всё покажу.

– А скажите, а где у вас тут... – тихо начала я и замаялась.

– Поганый чугунок? – подмигнула бабушка и засмеялась, заметив моё смятение. – У нас тут цивилизации немножко есть. Ты выйди в коридор в сени, там по нему прямо иди и вот синяя дверь – оно самое. Найдёшь?

– Думаю, да...

А как иначе, когда это и мой дом тоже?!

В моём настоящем прошлом заглядывать в ныне-наташину комнату не было особых поводов. Когда здесь отдыхали бабушка или дедушка, я старалась их не тревожить. В остальное время они сами чаще бывали в гостиной да на кухне. В этом прошлом глазу было где остановиться. В невысоком угловом шкафу поселилась коллекция игрушек: мягкий бурый медвежонок, будто вельветовая, бежевая, косоглазая собачка с красным ошейником, котёнок Гав, пластиковый заяц и стеснительный Чебурашка. Над столом – самодельные деревянные полки для книг и учебников. На стене в свете закатной красноты – политическая карта мира, где бледно-розовым гигантом выделялась территория РСФСР.

– Я вам не помешаю? – Наташа несмело вошла в комнату, словно в чужую.

– Нет, что ты! Это ведь я должна спросить у тебя на самом деле.

– Вы мне совсем не мешаете, – она присела на край своей кровати и сложила руки на коленях, любопытно, по-детски рассматривая меня огромными голубыми глазами.

– А ты пойдёшь на игру?

– Ой, точно нет. Я волейболом не увлекаюсь.

– Варя каждый день ходит? – я не знала, что ещё спрашивать.

– Да, когда погода хорошая. У них там большая компания. Даже взрослые приходят поиграть, поболеть. Молодёжь рабочая. Весело.

Тоскливые интонации в Наташином голосе противоречили её рассказу. Если так здорово собираться всем селом и играть на свежем воздухе, почему она запирает себя в комнатухе в тёплые солнечные вечера?

– А вы совсем ничего не помните? – внезапно спросила она.

– Совсем.

– Даже таблицу умножения?

– Вот это как раз-таки помню. Как назло, всё школьное крутится в памяти, а свежее и личное – перекаати поле, – я вздохнула и задала нелепый вопрос, чтобы поддержать беседу: – Наташа, я даже не помню, кто сейчас у нас президент?

Ох, наделала ошибок, кажется! От самой смешной – президент, до, возможно, трагической. Сейчас милая большеглазая Наташа превратится в идеологического робота-пионера, который раструбит всем, что эта гражданочка не знает, кто наш вождь сегодня. По пронзительному свистку участкового милиционера приедет чёрный воронок, и меня увезут. Ведь советский человек, даже потеряв память, должен помнить сакральные имена.

– А вот если пойдёте телевизор смотреть в девять с моими, и узнаете. Этих постоянно показывают, надоест ещё успеют, – рассмеялась Наташа, и я выдохнула – нормальные люди кругом.

В моём настоящем этой Наташе должно быть лет за пятьдесят, если ей сейчас четырнадцать-пятнадцать. Я оглядела корешки учебников на полке у девочки, хотя и не могла быть точно уверенной, зная всякие сложные схемы про «перепрыгивание» классов.

«В моём настоящем...» – повторила я мысленно. И чуть усмехнулась – какое же оно моё?! И было ли оно настоящим? А может быть, всё наоборот – это тот мир, в котором я изначально появилась, а потом за какие-то грехи попала в мир двадцать первого века с его кэшбеками, челленджами, бесчисленными блогерами и удалённой работой. Раз уж на то пошло – чудеса существуют, а вот патрульные времени, видимо, плохо справляются со своей надзорной работой.

Пока я делилась глупыми мыслями сама с собой, Наташа зажгла настольную лампу с бирюзовым абажуром и достала с полки большую картонную коробку бледно-зелёного цвета.

– Ты сейчас будешь занята? Мне выйти? – почти шёпотом спросила я.

– Нет, – не отвлекаясь от содержимого коробки ответила девушка. – Может, и вам интересно будет.

Она достала желтоватую канву и прозрачный пакет с нитками мулине всех цветов и оттенков вперемешку.

– Ты вышиваешь?

– Ага, моё любимое занятие, – ответила она, аккуратно перебирая нитки и иголки.

– А что делаешь сейчас? Какую картинку?

– Угадайте! – прищурилась Наташа, улыбаясь. Её щёки чуть покраснели: то ли от того, что я вдруг искренне заинтересовалась её хобби, то ли от жаркого жёлто-ласкового света лампы.

– Не знаю... Природу?

Хорошо, что я ещё не сказала «Ленина» или «икону», потому что видела наиболее популярные сюжеты с ликами святых на разных сайтах.

– Ну что же вы... – покачала головой Наташа. – Мишку!

Я нахмурилась. Мишка... Мишка...

– Олимпийского Мишку, Игры же скоро.

Я встала с раскладного кресла, пока Наташа развернула начатую работу на письменном столе. Она рассказала, что сама сделала схему с рисунка из журнала. Тонкими музыкальными пальчиками показывала на разные части и цвета для шубки, глаз, пятицветного пояска медвежонка, которые сама подбирала, и теперь вышивала по самодельной схеме.

Мне захотелось быть хоть немного полезной этой приветливой семье за тёплый приём и уют, и я решила предложить небольшую помощь Наташе. Вышивать я никогда не пробовала, а побыть чернорабочим вполне могла.

– Наташа, а давай я тебе нитки разложу по цветам, оттенкам, сделаю библиотеку всех цветов?

Она задумчиво посмотрела на пакет и кивнула:

– А здорово! Давайте. Даже странно, что я сама не догадалась раньше.

Уже через пару минут мы погрузились каждая в дело: Наташа, нахмурившись, вглядывалась в схему, ища место, на котором остановилась, а я вывалила на разложенном кресле все нитки и теперь вырезала полоски из картона, на которые собиралась нанизывать цвета по оттенкам.

– Слушай, Наташа, – не утерпела я.

– Да? – не отвлекаясь от работы, ответила девушка с готовностью.

– А кто такой Нуратдиныч? Это – милиционер, участковый, верно? – моя ошибка в моём настоящем – называть полицию милицией – сыграла на руку.

– Да, это наш участковый. Ансар Нуратдинович. Но кто-то его иногда запросто называет Лёхой. За глаза, конечно. Но он, вроде, всё равно не обижается.

– Что? – протянула я, засмеявшись. – Ансар – Лёха?

– Ну да, – улынулась Наташа. – Ещё у нас есть дядя Мансур в селе, татарин, так он просто дядя Миша. И тут: Ансар – Алексей. Так уж пошло, а от Алексея до Лёхи – рукой подать.

Что ж, товарищ милиционер, разбирайтесь в моём тёмном деле! Концов всё равно не найти. Если только представить, что по какой-то счастливой и фантастической случайности милиционер тоже окажется путешественником во времени.

Я неторопливо разбирала цвета, с искренним восхищением показывала самые красивые Наташе, и мы обсуждали, для чего бы такой подошёл больше всего: свитер, платье, штаны, блуза, сумка...

А ещё я поняла, пока пыталась вспомнить какие-то факты о прошлом, что историю-то я знаю не так хорошо, как гордилась. Ведь даже не знала имя генсека восьмидесятого года. Я была в курсе очерёдности правления, но не могла сказать точно по годам. Лакуны в образовании не способствовали успешному выполнению миссий по моему списку: «Важные дела путешественника во времени в прошлое».

Мысленно я набросала следующие пункты:

Номер один. Спасти СССР.

Нет, слишком претензионно. Что я буду спасать, если я элементарных вещей по истории не помню. Да и с политикой и политологией у меня не очень.

Номер два. Спасти Леннона.

Нет, слишком сложно. Кто меня отпустит в Америку? Мне бы в психушку тут не загреметь.

Номер три. Спасти Саманту Смит.²

Опять – невыполнимая задача. Попади ещё в «Артек»! Да и совсем не помню дату, когда самолёт с юной активисткой потерпел крушение.

Номер четыре. Спасти что-то в своей семье.

Хм, я не смогла вспомнить ничего даже из рассказов родственников, что бы могло нуждаться в изменениях. Скрепя сердце, я решила ни за что не искать близких в прошлом. Нельзя. Не стоит. Нельзя ломать ни одного мгновения. Лишь одно. Но меня закинули слишком далеко.

С тоской я посмотрела в окно на огород и картофельное поле. Выдумала дела! Ты людям лучше картошку помоги прополоть хотя бы, и то больше пользы будет.

Скоро я представила Наташе коллекцию её ниток, аккуратно разделённую по всем оттенкам, а она показала мне законченную вышивку Олимпийского символа. Ярко горел разноцвет-

ный поясок на коричневом пузе медвежонка, а сам Мишка добродушно улыбался карими крестиками озорных глаз. Хорошая получилась работа у Наташи.

Сон или кома порядком затянулись. Мне срочно нужно было остаться в одиночестве, найти уголок, где бы я могла обмозговать происходящее и произошедшее. Всё, что связано с моим настоящим и этим прошлым.

Я решила начать поиски в чертогах разума, как только мы отправились спать сразу после похода в горячую баню. Сподручнее было бы взять листок бумаги и расписать все эпизоды, обрывки идей, имена и воспоминания. Всё, что случилось со мной с первого же дня приезда из города, всё связано.

Не очень понятно, брать ли в странный список событий барышню в белом из берёзовой рощи и мопса на мотоцикле. Нет, его точно нет. Парнишка просто катал питомца. А вот невеста... и был ли это свадебный наряд? Я попыталась вспомнить черты и цвет её лица. Ужасная догадка пришлась ко времени. Она выглядела очень молоденькой, а незамужних и юных в таких нарядах провозжают в последний путь. Уф. Ну и загадка. Ладно. Пока оставим две версии. Первая. Девушка – реальна, она просто спешила домой с тематической вечеринки или репетиции свадьбы. Насмотрелась американских фильмов. Чем бы дитя ни тешилось... И вторая версия. Она – призрак, который что-то хотел передать мне, предупредить, но её спугнул приближающийся парень на мопеде.

Переходим к следующему призрачному. Настасья Михайловна. Я была полностью уверена, что именно её я видела тогда во окне. Сам дом намекал мне на скорое перемещение во времени? Хорошо, это я легко связала. Теперь самое непонятное из видений.

Крест. Крест пугал больше всего. Для кого он? Если подумать, что меня убили в настоящем, тогда он предсказывал мою смерть. Теперь на самом деле стоит в доме, ожидая печальной церемонии. А если нет? Тогда и догадок нет, с чем это может быть связано.

Расписного старика-сидельца я пока отложила: он-то сто процентов существует. Его и дядя Толя видел. И народ в магазине. Тут всё пока спокойно. Только не его странные вопросы.

Он просил передать привет Гордеевым. О'кей, будем считать, исполнено. Значит, он с ними как-то связан. Но что может быть общего у порядочной семьи и тюремщика? Что же ещё он городил?

Пока ничего не стыкуется, кроме бабушки и её призрака в окне...

Что ж, поживём-увидим.

Проваливаясь в сон в десять вечера, я снова пыталась представить, что случится завтра: это всё затянувшийся сон, и я проснусь здесь же, в своём доме, или кошмар продолжится.

А как же мои ученики, мои родители? Где я для них? Возможно, в моём сегодня, в лучшем случае, нашли моё тело. А в худшем? Нет, даже думать не хочу. Подождём до завтра. Главное – уснуть.

Если я останусь с семьёй Гордеевых, пойду на встречу с милиционером. Он представлялся мне грузным, пузатым, потливым дядькой лет под пятьдесят, который спокойно заканчивает службу в маленьком и тихом селе. Будет муржить меня до вечера, а хуже того, пытаться заковыристыми вопросами, выводить на чистую воду. Конечно, он не поверит в моё беспаятельство и замучает всякими проверками. Как иначе – такая обуза свалилась! Пусть мучает, или, как неприветливая медсестра, сделает выговор, я готова до последнего стоять на своём – ничего не помню и всё тут.

Скорее бы завтра... Пусть я проснусь на своём диване в этом доме, но в моём настоящем. А моё ли это настоящее?..

² Саманта Смит (1972-1985) – американская школьница-активистка, стала всемирно известна во времена холодной войны благодаря своему письму генеральному секретарю ЦК КПСС Ю.В. Андропову.

Глава 4. Мода – 80

Утром я проснулась от пронзительного лая Тимошки и поняла, что в обратный путь домой – в 2018 – я не отправилась. На заре пару часов назад меня разбудил шум на кухне. Уже тогда всё стало ясно, но я решила, стоит уснуть снова, и фокус получится. Не повезло.

Пёс не замолкал, истерично рвал цепь и тявкал на непрошенных гостей. Неужели сам участковый первым решил пожаловать? В окно гостиной настырно затарабанили. В доме образца 1980 года рамы были крепкими, и волноваться за их сохранность не приходилось.

Я посмотрела на соседнюю кровать. Наташа лежала с открытыми глазами и вставать не торопилась. Мы переглянулись и только тогда она, подтянув расшитую узором лямку белой ночнушки, села на край кровати, вцепившись в одеяло.

– Кто это может быть? – почти шёпотом спросила я. – Участковый?

– Вряд ли, – Наташа посмотрела на круглый металлический будильник, который показывал семь утра. – И дома никого нет, кроме Вари.

– Идём, посмотрим, – предложила я после того, как настойчивый стук повторился и послышался хриплый женский голос: «Хозяева!»

Мы подошли к окну. Наташа открыла створку, а я притаилась рядом с телевизором на длинных ножках, выглядывая на улицу так, чтобы меня саму не было видно.

Под окном стояла худощавая женщина в рабочей одежде.

– Взрослые дома? – сердито спросила она.

– Нет, – чуть слышно ответила Наташа и помотала для убедительности головой. – А что передать?

– Что передать? – тётка пискляво передразнила Наташу и по-боевому упёрлась руками в тощие бока. – А не видишь сама, что передать?

Наташу взяла оторопь. Похоже, она, как и я, не привыкла к грубости в селе хоть от кого-нибудь.

– Тварина-то ваша утащила у нас курицу!

– Хорошо, я передам, – пропищала Наташа.

Наверное, она представила, как утренняя скандалистка сейчас вломится в дом и будет требовать немедленно отдать ей деньги за пропавшую пернатую живность.

– Кто там?

В гостиной появилась заспанная Варвара. На ходу она натягивала длинный, в крупных цветах халат на ночнушку, которая выдавала небольшой животик и полные бока. Наташа со вздохом облегчения отошла от подоконника, уступая место сестре.

– Здравствуйтесь! – крикнула Варя, раскрыв окно полностью.

Настырный ветерок тут же свободно прорвался в комнату и принёс лёгкий запах липового цвета. Старшая сестра нагнулась и опёрлась загорелыми руками о широкий подоконник. Чуть не опрокинула кружку со свежими тёмно-красными ягодами клубники. Видимо, бабушка оставила девчонкам утреннюю добычу.

– Чего Ветошкиной надо? – обернувшись, шепнула она Наташе. Та не успела ответить, как тётка, не меняя позы, продолжила напряжённые переговоры:

– Ты ведь старшая будешь?

– Я, – зевнув, ответила Варя.

– Хозяева дома?

– Нет, только крепостные.

– Чего?

– Что передать-то? Говорите.

– Скажи отцу, пусть деньги занесёт вечером.

– Какие деньги? – Варя тотчас проснулась, как будто страшно удивилась, что за связь может быть у отца с соседкой-хабалкой?

– За курицу!

– Не знаю никакую курицу, – уже спокойно ответила Варя.

– Какую ваша тварь распотрошила.

– Какая тварь? – Варя снова высунулась из окна.

– Кошка ваша!

– Кто сказал?

Похоже, Варваре доставлял удовольствие странный диалог, а тётка закипала.

– Слепла что ли? – Она отступила в сторону и показала на землю у забора. На траве валялись белоснежные перья и пух.

– А-а-а, это, – протянула Варя. – Ничего не доказывает. Знаете, чья-то кошка утащила и к нам, мы ж через два дома соседи, к нам любой живности сподручнее от вас куриц таскать.

Наташа на цыпочках отошла к дивану и внимательно слушала разговор. Её указательный палец скоблил большой. Она то и дело тревожно поглядывала на меня, покусывая тонкие губы.

– Ух, вечером ещё приду! – Ветошкина развернулась и, хлопнув дверью ушла. Тимошка буркнул ей вслед и затих.

– Говорила я бабушке, закрой нас на засов, – зевнув и потянувшись, сказала Варвара. – Ну куда мы в такую рань пойдём? Давайте дальше спать? Хотя вам, Соня, скоро в участок идти.

– Ой, – я разволновалась. – Варя, бабушка ваша сказала, вы меня проводите. И вот ещё... меня докторша просила к ней сначала прийти.

– Да, конечно, давайте я с вами, – живо отозвалась Варя. – Я как раз в столовую за хлебом пойду. Вы когда-нибудь ели серый хлеб?

– Нет.

– Очень вкусный! – Наташа включилась в беседу. – Варя, я тогда пойду после завтрака цветы в палисаднике полью.

Определившись с нехитрыми утренними задачами, мы разошлись по комнатам.

С утра меня волновали более прозаические вопросы, нежели вчерашние экзистенциальные. О'кей, патрульные времени не торопились переводить стрелки и отправлять меня в обратное путешествие в будущее, значит, будем осваиваться в прошлом. Первая проблема обозначилась, как только я поднялась с кровати, – мои футболку и спортивные заботливо постирала бабушка, как сообщила мне Варвара. Хорошо, что Настасья Михайловна оставила мне один из своих мягких и необъятных халатов.

«Ну да, кто же собирает чемоданы перед путешествием в прошлое? Или я одна такая недальновидная?» – усмехнулась я мысленно.

Словно прочитав мои мысли, Наташа с сочувствием посмотрела на меня и принялась за утренние ритуалы. Не прошло и пары минут, как Варя вернулась с перекинутыми через руку платьями бежевого, бледно-синего и зеленоватого цветов.

– Это бабушка вам выбрала, – она аккуратно положила одежду на стул. – Из моего старого. Наташины вам, скорее всего, маловаты, а мои новые – великоваты. Вот, должны быть в пору. Хотя вижу, есть и моё.

– Спасибо, – тихо сказала я и посмотрела на Варю. – А как же...

– Нет, нет, я его не ношу, – та, довольная ответила, – всё в порядке, не переживайте. Мерьте!

Я потянулась к платьям и в каком-то оцепении перебирала одно за другим. Вроде бы все мне подходят, только одно и правда больше в плечах и талии. Юбки у всех одинаковые – целомудренно длинные и широкие. Что мне совсем не понравилось – рукава. Фонариками. Я, двадцатипятилетняя почти тётка, надев такое платье, пойду в милицию? Нормальную одежду они не носят, что ли? Нет, я не прошу джинсы, откуда здесь, но хотя бы платье постroje,

попроще. Приду сейчас, буду сидеть, как баба на чайнике, перед участковым и нести всякую чушь про беспамятство.

– Выбрали? – живо спросила Наташа. Наверное, ей не терпелось увидеть меня в своих обносках.

– Вам не нравится? – Варвара оказалась более проницательной.

– Я, наверное, подожду, когда моё высохнет. Мне неудобно у вас брать, – попыталась соврать я не слишком убедительно. Мой взгляд давно выдал истинные причины.

– Нет, вам не нравится, – сурово подытожила старшая и поджала полные губы. – Ясное дело, вы привыкли модно одеваться. Мы же видели вашу футболку, но у нас ничего такого нет. Если вы хотите, чтобы я отвела вас по делам, пожалуйста, одевайтесь, Соня. Жду.

– Варя, – испуганно сказала Наташа. – Зачем ты так?

– Да я же не слепая, вижу, что платья наши не понравились, – обиженно продолжала Варвара. – Куда нам до городских, конечно! А то, что Марьяна шьёт по модным выкройкам из журнала, это ничего? Отличные же, красивые! Не знаю, чего вы нос воротите. А бабушка ещё старалась, выбирала по размеру. Или одевайтесь, или сидите тут до обеда, пока ваше не высохнет.

Варя с прищуром посмотрела на разноцветный ворох, на меня и ушла из комнаты.

Мне стало очень стыдно, да так, что я в ответ сказать ничего не успела. Старшая же ни слова лишнего не сказала. Люди со всей душой отнеслись ко мне. Все. От Виктора до Наташи, с которой мы успели вчера поболтать о вышивке, об Олимпиаде, пока я сортировала её нитки, а сейчас я сижу и выделяюсь. Какое право имею? Хорошо ещё, что не лягнула совсем уж дурацкое оправдание: «я вообще платья не ношу».

– Попробуйте то, синенькое, вам пойдёт, – смущённо улыбнулась Наташа. – Я сейчас выйду.

Она ушла в кухню, плотно закрыв дверь. Я вскочила с кровати, скинула халат и быстро натянула платье, на которое указала младшая. Так торопилась, что от спешки едва не раскрыла его по швам. Боялась отчего-то, что сейчас вернётся Варвара и заберёт всю одежду.

– Ой, а вам правда так хорошо! – восторженно встретила меня Наташа, когда я несмело вышла к девочкам.

Варя стояла у плиты и помешивала кашу в небольшой кастрюле. Она обернулась и с лёгкой улыбкой виновато сказала:

– Соня, извините меня, я наговорила там, в комнате. Нам просто эти платья шьёт хорошая знакомая. Нам-то очень всё нравится. А тут мне показалось, вы не в восторге. Обидно, что ли, стало за Марьяну.

– Нет-нет, – поспешила я разубедить девушек. – Я смутилась очень сильно... Так что это вы меня извините. Свалилась как снег на голову.

– Да ну, чего вы... – Варя так же тепло улыбалась. – У нас часто гости из-за папиной работы бывают, командировочные всякие. Гостиниц ведь нет. Так, завтра почти готов!

– Идёмте умываться? – поднялась Наташа. – Я тоже ещё не ходила.

Мы вдвоём спустились на нижнюю веранду, где бачок в умывальнике был наполнен тёплой водой. Рядом на полочке я увидела чёрный пластиковый стаканчик с зубными щётками и пастами с лаконичным дизайном – «Жемчуг» и «Мятная». Доверившись более-менее знакомому и современному для меня названию, я взялась за «Мятную».

– Ой, а у меня и щётки нет, – сказала я растерянно, открутив крышечку.

– Это вообще не проблема! – радостно отозвалась Наташа. – Момент.

Она крикнула прямо с веранды Варваре:

– Варя, найди в комодке щётки зубные! Принеси одну, пожалуйста! – И обратилась ко мне: – Бабуля у нас, что надо, – любой завскладом позавидует.

Скоро показалась Варя с новой щёткой для меня. Мы неторопливо прошли все водные процедуры. Молчаливо позавтракали перед открытым окном кухни, почти как на свежем воздухе. На утреннем сквозняке вкус бутербродов и пшённой каши с домашним жёлтым-жёлтым маслом приятнейше обострился. А после мы с Варварой отправились по делам.

Глава 5. На допросе

Здание милиции в этом далёком прошлом находилось за небольшим парком, где в моей памяти когда-то работала аптека. В моём же настоящем она давно закрылась. В детстве мне нравилось гулять с друзьями по вечерам в липовом саду рядом с аптечным домиком. К 2018 году его окна кто-то заботливо заколотил, как будто думал вернуться, но время не жалеет никого – строение с годами выцвело и, того хуже, не дождавшись хозяев, покосилось. Сегодня же я увидела его в самом лучшем виде: выкрашенным в светло-голубой цвет, с белоснежными рамами и наличниками, которые сверкали на утреннем солнце. Крыша – целая, крытая железом, которое растащат совсем скоро – в девяностые. Рядом с крыльцом – жёлтая милицейская машина с широкой синей полосой и надписью на боку белыми буквами «Милиция». Она-то напугала больше всего. В ногах ощутилась слабость, в горле пересохло. Всего минута – и за меня возьмутся компетентные органы. В памяти не к месту вдруг пронеслось «копейка-кана-рейка».³

Мы с Варварой вошли в прохладу тёмного коридора. Она указала рукой на последний кабинет и участливо спросила, нужно ли подождать. Я помотала головой: найду обратный путь сама.

В больницу мы с Варей заглянули в первую очередь, но нам встретилась только неприветливая медсестра из вчерашнего вечера. Она непонимающе посмотрела на меня, когда я сказала, что меня просили явиться сюда с утра, и отправила прямиком в милицию. Только там я вспомнила строгий наказ доктора Галины Степановны по поводу одежды: не стирать. Мои футболка и штаны, чистенькие, развевались в огороде на крепкой бельевой верёвке. На встречу с участковым стало отправляться ещё страшнее – какие-никакие возможные следы уничтожены стиральным порошком и водой.

Варя ушла, а я всё не решалась подойти к кабинету. Образ толстого и неприветливого милиционера накрепко засел в воображении. Сейчас он, как есть, отругает меня за порчу улик.

Ладно, делать нечего – пора сдаваться, но держать оборону. Осталось всего несколько шагов, чтобы ещё раз прогнать в мыслях короткую лживую легенду и подготовиться к неприятной встрече с пузаном в погонах. Ещё и этот наряд! Сто лет не носила ни платья, ни юбки, и сейчас чувствовала себя вдвойне неловко.

Я постучала в обитую коричневым дерматином дверь. Услышав глухое «Войдите!», рванула её на себя и оказалась в очень светлой проветренной комнате. Здесь было по-утреннему свежо и прохладно. Окна, закрытые снаружи окрашенными в белый решётками, ничуть не портили вид на солнечный парк с высокими липами.

Под чуткими взорами Ленина и Брежнева с портретов на стене, за столом с карандашом в руках сосредоточенно склонился молодой милиционер. Густые чёрные волосы. Широкие плечи. Чёрный галстук. Голубая рубашка. Фуражка с золотистой кокардой покоилась на печатной машинке. На подоконнике за его спиной лежали большие счёты в коричневой раме – милиционер в тот же миг превратился для меня в сверхчеловека.

Я пригляделась к его плечам. Три звезды на погонах. Если никакой «звёздочной» реформы с тех пор не проводили, выходит, он – старший лейтенант. Ещё одно знание в наследство от работы корреспондентом.

Как только участковый поднял голову, меня отчего-то удивила его привлекательная восточная внешность: чернобровый, черноглазый, нос прямой, губы сжатые, упрямые, по лицу

– чуть загорелый, хотя на дворе самое начало июля. А по одному имени давно можно было догадаться да и Наташа говорила, в селе много татар. Я представила, как милиционер сейчас потрёт руки и скажет любопытно тенорком в нос: «Девушка потерялась, инде-е! Как же так?!» Наверняка, ему вчера доложили о моём странном появлении в селе.

– Доброе утро! – участковый оторвался от бумаг и первым поздоровался со мной глубоким голосом, который словно заполнил весь кабинет. Пока в этой короткой фразе невозможно было уловить никакой акцент.

– Здравствуйте, – тихо ответила я и смущённо отвела взгляд.

– Участковый инспектор милиции старший лейтенант Адилов Ансар Нуратдинович. – Он встал из-за стола и, пригласив жестом приблизиться, придвинул стул. – Присаживайтесь.

Нет, определённо никакого акцента не уловить. Но одному только бархату голоса, будто поставленного, можно было доверять.

Разгладив рукой юбку платья, я осторожно присела на стул напротив лейтенанта. Он оставил пристальный, профессионально-любопытный взгляд на моей раненой шее.

– Не бойтесь, вы в безопасности, Софья, – участковый добродушно улыбнулся, от чего я совсем смутилась, и продолжил: – Мы просто поговорим. Мне уже передали данные из больницы. Отметим, вы потеряли память. Как ваше самочувствие сегодня?

– Про память – всё верно, – еле выговорила я хрипло, – но, к сожалению, никаких изменений, никаких воспоминаний.

Мой голос сильно отличался от обычного: я говорила непривычно тихо, сдавленно – разволновалась не на шутку. Мало того, что я впервые в жизни оказалась в милиции, да ещё и разговариваю с человеком, который в моём настоящем, быть может, давно покойник, если помнить, что его ждёт всего через лет десять-пятнадцать. А сейчас – молодой, наверняка, тщеславный и упорный в службе.

Мне вдруг стало дурно, я схватилась за горячий влажный лоб и сделала глубокий вдох. Сердце будто раздвоилось и колотилось, резонируя, то близко, то глубоко в груди. Мелкая дрожь начала охватывать руки. Противно.

– Минуту, я принесу воды, – снова нахмурился чернобровый Адилов, или как его там.

– Да, спасибо!

Он быстро вышел из кабинета, скоро вернулся и вручил гранёный, чуть запотевший, стакан. Лейтенант не спускал с меня строгого изучающего взгляда. Он отошёл к подоконнику и, сложив руки на груди, терпеливо ждал, когда можно будет продолжить беседу. Мой взгляд скользнул по Адилову. Высокий, широкоглазый. Крепкую шею туго стягивает воротничок. Кажется, поверни милиционер голову – не выдержав натуги, слетит верхняя пуговица.

– Сейчас, – я сделала маленький глоток обжигающе ледяной воды и поставила стакан аккуратно на стол на стекло, под которым был зажат исчерченный простым карандашом карманный календарь за прошлый – 1979-й год.

– Давайте продолжим, – тихо сказала я.

– Хорошо, – он вернулся на место и взялся за ручку. – Давайте попробуем вспомнить главное. Ваше имя?

– Луговая... Софья Михайловна.

– Год рождения?

Мысли застывали. Чуть было не выдала привычное «десятого декабря девяносто третьего», что стало бы путёвкой в известное заведение.

– Не помню... Зима, точно. Но ничего больше.

– На вид вам не больше двадцати. Место жительства?

– Не помню, извините, – еле слышно проговорила я и для себя самой неожиданно почувствовала, как защипало в глазах. Ещё момент – и я расплакалась, закрыв лицо руками.

– Извините, – буркнула я из-под влажных горячих ладоней.

– Выпейте воды, не спешите, – мягко сказал участковый. – Расскажите сами всё, что помните. Я не буду больше задавать вопросы.

– Хорошо, – шмыгая носом, я утёрла глаза, щёки и шумно отхлебнула. – Хорошо.

Что же ему рассказать? У меня всё вылетело из головы: что говорить можно, а что нельзя. Нужно максимально увести их, как можно дальше, в бесперспективное расследование. Чтобы моё дело закрыли за недостаточностью данных. Или как они это оформляют.

– Помню вечер. Город. Да, я точно из города. Я работала....

Чуть не сказала, что работала в газете. Тогда бы они стали рыскать по всем редакциями в ближайших больших и малых городах. Я не могла заставить милицию тратить время на мои намеренные выдумки, когда у них, должно быть, куча работы.

– Нет, не помню, – я слабо махнула рукой. – Так, какие-то образы идут, но ускользают. Помню плохую погоду тем вечером. Меня пытались задушить верёвкой, жёсткой. Знаете, такими скотину привязывают, вроде бы. А потом ударили по голове. Как будто деревянной палкой. Боль резкая, страшная, дышать нечем, в глазах потемнело... Всё. Далее вы уже, наверное, знаете. Мне повезло, что, кто бы он или они ни были, выбросили меня живой, – я резко оборвала рассказ и посмотрела милиционеру прямо в глаза, спросив шёпотом: – Неужели это случилось всего лишь вчера?

Лейтенант только кивнул.

– Скажите, – он посмотрел на мои пальцы, – вы что-то помните о своей семье?

– Так, – я нахмурилась, изо всех сил изображая мучительные попытки вспомнить. – Да, мама, отец. И всё. Если вы спрашиваете, есть ли у меня муж... Нет, точно нет. Или... Я не знаю. Колец нет.

– Драгоценности могли снять, – Адилов вздохнул и, сложив руки на груди, чуть откинулся на жёсткую спинку стула. – Нам нужно будет съездить в город. Так как здесь мы не можем провести полный осмотр. Хм.

Он выпрямился, взялся длинными пальцами за ручку и отвёл взгляд на серо-зелёную стопку бумаг и картонных папок. Я прекрасно понимала, о чём и в каких преступлениях он подозревает злодеев, но ехать никуда не хотелось. Вдруг что-то случится. Вдруг по условиям этой временно игры, правила которой я не знала, мне нельзя покидать село.

– Я не думаю, что это нужно. Меня вчера осматривали, – быстро проговорила я, схватившись за стакан. – Даже уверена, что не нужно, Ансар... Ансар...

– Нуратдинович, – с лёгкой улыбкой подсказал мне участковый, хитро глянув исподлобья, и продолжил писать. Видимо, не привыкать подсказывать собственное имя.

– Ансар Нуратдинович, я боюсь куда-то ехать теперь. Я хочу только одного – остаться здесь, – умоляюще проговорила я..

– Я понял. В любом случае, из города на днях будут к нам гости. Да и если поедем, то только со мной.

– Товарищ лейтенант, я прошу прощения, – я благодарно посмотрела на него. – Ничем не могу помочь, правда. Я бы хотела, но никак...

– Нет, – он поднял бровь. – На самом деле вы можете неплохо нам подсобить. Особенно, если память восстановится. Возможно, вам уже рассказали.

Я чуть помотала головой и сжала стакан руками, чтобы они меньше дрожали.

– У нас случилось нечто подобное пару лет назад, – сказал лейтенант и с тоской посмотрел в окно. – Никого тогда не нашли. Возможно, ваш случай – новое звено в цепочке.

– А тогда... – я медлила. – Что случилось с человеком? Он сейчас жив?

– Нет.

Не успела я и задуматься о новой порции страшной информации, как в дверь постучали.

– Войдите, – громко сказал лейтенант, и на пороге появилась розовощёкая полная женщина в сарафане, с фотоаппаратом в чёрном чехле на груди.

– Ансар Нураддинович, здравствуйте! – заметно было, как она запыхалась. – Извините, опоздала. Там эти опять меня заболтали... Снимки делаем?

Меня попросили встать спиной к огромной белой печи здесь же в кабинете, и женщина щёлкнула кнопкой. Ещё и ещё.

– Достаточно, думаю, – она поспешила уйти.

Только фотограф скрылась за дверью, милиционер подозрительно посмотрел на моё платье и хотел что-то спросить, как в кабинет без стука ворвалась девушка.

– Ансар, привет! Ой... – она увидела меня, оправила светлую футболку и сделала шаг назад, заложив руки за спину.

– Римма, я занят, – строго сказал Адилов, сдвинув брови. – Что-то случилось?

– Я просто... – она снова пристально посмотрела в мою сторону, но быстро перевела взгляд на Ансара. – Ты зайдёшь ко мне?

Вопрос, похоже, смутил лейтенанта, но он скоро подобрался:

– Как освобожусь.

– Буду ждать, – кокетливо бросила девушка и вышла.

– Давайте продолжим, прошу прощения. Скажите, – лейтенант чуть кашлянул в кулак и посмотрел на меня. – Это ваша одежда?

– Нет. Мою постирали. Ой! – невинно пискнула я.

– Понял, – покачал головой Адилов. – Обувь ваша?

– Нет, но, – я немного замялась. – Калоши дома, мои.

– Хорошо. Продолжим. В котором часу вы оказались в селе?

– Точно не могу сказать. Вечером, около семи, – я нахмурилась. – По дороге шли эти...

Много этих... С рогами.

– Козы?

– Не-а.

– Бараны?

– Да нет, – отмахнулась я. – Ну, с рогами... да что же это такое.

– Викинги? – шёпотом спросил лейтенант и испытующе смотрел на меня. За крепко сжатыми губами еле скрывалась мальчишеская улыбка, а я не выдержала и рассмеялась. Стало легко-легко.

– Коровы? С рогами тут вроде больше некому, – как старый приятель, искренне и весело наконец-то отпустил улыбку Ансар Нураддинович, поспешив с очередной подсказкой. И тут же словно застеснялся внезапной открытости и шутливости. Его глаза сощурились, он попытался напустить прежний важный вид, а над верхней губой, там, где проглядывала щетина, появилась еле заметная испарина.

– Так точно, коровы, – бодро ответила я. – «Эти самые»... Надо же, слова начинаю забывать, – я едва ли не впервые улыбнулась лейтенанту, и вдруг мне стало стыдно за враньё, но деваться было некуда. Тем более, дальше можно идти начистоту.

– Когда я очнулась рядом с кладбищем, недолго постояла на дороге, осмотрелась. Увидела Виктора.

– Он шёл один?

– Нет. Он не шёл. Его кто-то подвёз.

– Да? Это любопытно. Гордеев ещё ко мне не приходил, а это очень важная информация. Скажите, возможно, вы узнаете село?

– Если только немного.

– Хорошо, – он взялся за лоб, быстро провёл ладонью по лицу и что-то черкнул на бумаге. – Так, сейчас я вас отпускаю. Отдыхайте, – лейтенант в который раз хмуро посмотрел на мою шею. – От нас никуда не уезжайте, даже если представится возможность. Сейчас напи-

жете заявление. Завтра-послезавтра приедет следователь. Вы можете остаться у Гордеевых? Что они говорят?

– Ну, – вопрос поставил меня в тупик. – Вроде бы они не против...

– Вот и хорошо. Будем работать. Вот ещё: ведите дневник, записывайте всё, что вспомните.

Мы распрощались, и я вышла, но сделав пару шагов по прохладному коридору на выход, остановилась. Мне стало страшно. Страшно за своё будущее в этом прошлом. Без стука я вернулась в кабинет. Лейтенант за столом оформлял документы.

– Ансар Нуратдинович, вы же знаете, что будет дальше?

Он серьёзно посмотрел на меня чёрными глазами. На его месте я бы опасалась незнакомой девушки с провалами в памяти. Кто знает, а вдруг я только прикидываюсь? Вдруг я и есть злодейка, которая строит из себя жертву, а мои травмы – результат обороны того, кого я хотела прикончить вчера. Потеря памяти – очень удобная уловка.

– Конечно, всё, как обычно, – ответил он сухо. – Делу даст ход следователь. Надеюсь, скоро найдём родных, коллег. Не с Камчатки же вас закинули.

– Я знаю, о чём вы думаете, – тихо я сказала, подойдя к рабочему столу.

– А именно? – Ансар Нуратдинович встал и приблизился к приоткрытому синему сейфу.

Должно быть, там хранилось оружие. Вы всё правильно делаете, товарищ старший лейтенант.

– Признайтесь, вы, в том числе, думаете, что я сумасшедшая или сама преступница. А может, участница банды, в которой мы что-то не поделили, верно? Теперь нужда заставила меня скрываться в маленьком селе.

– Мы должны отрабатывать все версии, тут вы правы.

– Так за кого вы меня держите?

– Хм, я не думаю, что мы должны это обсуждать.

– Скажите честно, что вам стоит?

– Я настаиваю, мы будем отрабатывать все версии.

– Вы отправите меня в город и оставите там? В психушке?

– Ещё не знаю, понадобится ли это. Нам нужно... к психиатру. Это я имел в виду под полным осмотром.

– Ансар Нуратдинович, помогите мне, – едва слышно проговорила я. – Все мои слова про потерянную память – всё правда. Но я не знаю, как доказать. Помогите мне.

– Я обещаю, сделаю всё, что смогу, но и с вас большой спрос. Кто знает, быть может, завтра утром вы придёте сюда с полной картиной.

– Нет, вы не понимаете, – глядя за спину Адилова на солнечный липовый парк, я уселась на стул и взяла в руки пустой тёплый стакан. – Мне сейчас нужно доказать вам, что я – нормальная. Я никого не убила и не ограбила. Я – жертва. И я немного узнаю село. Могу сказать, где живут какие-то семьи. Вижу лица, вроде бы знакомые, а нет. Самое удивительное – они меня не узнают, не здороваются. Вам не кажется это странным?

Если и он – путешественник во времени по какой-то волшебной случайности, то должен расколоться. Но чудо не случилось.

– Да, это любопытно, – Адилов вернулся на место. – Возможно, это всего лишь ваш мозг играет с воспоминаниями о других людях. Софья, я верю вам и обещаю, я постараюсь выяснить как можно больше.

После моих нелепых извинений, мы повторно распрощались с Адиловым, и я поплелась по утренней жаре домой, если это место можно было сейчас так назвать.

На кухне суетились с обедом бабушка и раскрасневшаяся от огородных трудов Наташа.

– Как вам Ансар Нуратдинович? – весело спросила она первым делом.

– Милиционер, – уклончиво ответила я.

Сейчас меня больше занимала нерасказанная история лейтенанта о таинственном погибшем.

Наташа принялась чистить картошку, а Настасья Михайловна, задумчиво смотря в окно, начала рассказывать об Адилове, словно сватала.

– Хороший парень, что ещё тут спрашивать. А какая семья! История какая! Мать поехала на целину, и года не прошло, вернулась с Нуратдином. Он сам тоже туда из этой... как ты ж её... из нашей соседней области подался. Ты подумай, он за ней сюда приехал – как любил! А мог бы и к ногтю прижать, утащить к себе. Но нет. Маруся противилась, да и мать бы её не отпустила так далеко. Так и обжился в селе. Парень высокий, чернявый, работающий, не пил, не курил. Тут же скоро и Ансар появился, – Настасья Михайловна присела за стол и вдруг рассмеялась: – От-эть, давно ли Ансарка без портков по Заречной за курами бегал, а уже Ансар Нуратдинович! Плечи звёздами горят. Но хорош парень. Весь в отца! – Бабушка вдруг замолчала, задумалась и добавила. – Нуратдина у нас и хороняли. Нехорошо, конечно, все говорили, а что поделать. Быстро от болезни сгорел...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.